

**Военные
Приключения**

СКВОЗЬ ПРЕГРАДЫ

ЕВГЕНИЙ ГОНЧАРЕНКО

Военные приключения (Вече)

Евгений Гончаренко

Сквозь преграды

«ВЕЧЕ»

1957-1958

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)

Гончаренко Е. И.

Сквозь преграды / Е. И. Гончаренко — «ВЕЧЕ»,
1957-1958 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8951-8

В воздушном бою Алексей Гундарев подбил самолет немецкого аса – капитана Генриха Шверинга. Вслед за немцем он посадил свою горящую машину в тылу противника и продолжает сражение, которое затянулось на долгие годы... Автор этой книги, Евгений Гончаренко, в 1941 году ушел добровольцем на фронт. С боями прошел Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию. За мужество и героизм был награжден орденами и медалями СССР. Из-за тяжелого заболевания, связанного с ранениями, талантливый писатель умер в возрасте 33 лет. Буквально за несколько дней до смерти, лежа в больнице, Евгений Иванович написал одну из частей этого романа – «В Чертовом ущелье». Увлекательное остросюжетное повествование впервые публикуется целиком.

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-8951-8

© Гончаренко Е. И., 1957-1958

© ВЕЧЕ, 1957-1958

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	9
3	12
4	14
5	20
6	22
7	26
8	29
9	33
10	34
11	36
12	39
13	42
14	43
15	46
16	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Евгений Иванович Гончаренко

Сквозь преграды

© Гончаренко Е.И., наследники, 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Часть первая

Самолет не вернулся

1

Хмурые свинцовые облака с самого утра нависли над аэродромом, где дежурила эскадрилья истребителей майора Гордиенко.

Механик Яша Малявкин уже несколько раз подходил к Гундареву, спрашивал, зачехлять ли новенькую, еще пахнущую свежей краской машину.

– Так держать! – терпеливо повторял Алексей, не прерывая беседы с заместителем по политчасти подполковником Тюриным.

Под крылом самолета младший лейтенант Валентин Шигаев, ведомый Гундарева, играл на гитаре, подпевая приятным тенорком. По его взволнованному задушевному голосу Алексей чувствовал, что поет Валентин для Лены, медсестры из санбата.

А подполковник Тюрин тем временем говорил:

– И ты думаешь, Алексей, что это похвально? Оторвался от подразделения и без напарника бросился преследовать немца вплоть до его аэродрома...

Гундарев огляделся вокруг. Туча туманными косыми полосами сеяла потоки дождя за темно-зеленой зубчатой грядой ельника.

Вдыхая свежий, насыщенный влагой воздух, Алексей почувствовал, будто надломилось что-то у него в груди, не выдержав напряжения. Глаза сверкнули неукротимой яростью, лицо побледнело. Он с волнением сказал:

– Вижу, как фашистские мракобесы свирепствуют на нашей земле... В бою такая охватывает меня ненависть... Нет сил сдержаться.

– И в результате – необдуманный шаг. Ну хорошо, что удалось тебе перехитрить немецкого аса... Ведь надо такое: приземлился, чтобы взять тебя в плен. А если бы он по радиации вызвал помощь?.. Ведь ты же летчик, Алексей Данилович... Где твоя выдержка?

Гундарев и Тюрин пристально посмотрели в глаза друг другу.

– Да ведь поймите же, товарищ подполковник, в бою иногда обстоятельства не позволяют поступить иначе... А впрочем, я сознаю, что на этот раз погорячился...

Тюрин встал, пожал руку Алексея.

– Хорошо, что признал свою ошибку. Запомни: побеждает тот, у кого больше выдержки и крепка вера в правое дело... Ну, а все-таки скажи: если бы тебе не удалось выйти из вражеского тыла, что бы ты делал?

– Продолжал бы борьбу в любых условиях! Я – комсомолец, боец Советской армии и должен бить врага повсюду.

– Правильно.

В серовато-желтую пыль упали первые капли дождя. Сержант Малявкин торопливо развернул чехол для машины, разрисованный под цвет листы зелеными пятнами.

И вдруг, разрезая наступившую тишину, завывала сирена: боевая тревога! Где-то сквозь нарастающий шелест дождя прозвучала команда: «По машинам!»

Алексей побежал к самолету, на ходу поправляя болтающийся на боку планшет. Послышался мощный рокот моторов. От командного пункта взметнулась серия зеленых ракет. Одни за другим стартовали самолеты и, набирая высоту под крутым углом, исчезали в сероватой мути неба.

Дождь стучал по обшивке, заливая фонарь кабины. «До войны такая погода считалась нелетной», – вспомнил Алексей, закрывая глаза от яркой вспышки молнии.

Несколько минут качки, бросков, сильных потоков дождя – и эскадрилья, пронизав грозовое облако, вырвалась на голубые, залитые солнцем просторы.

– Внимание, внимание! – донеслось с командной машины Гордиенко.

С запада появились, увеличиваясь, черные точки – самолеты врага. Бой завязался сразу на встречных курсах. В наушники назойливо прорывались немецкие команды, разговоры. Гитлеровцы – большие любители поболтать в воздухе. И сквозь крики, писк и помехи Алексей уловил чуть взволнованный голос Шигаева:

– Третий, третий! Смотри справа!

Две пары «мессершмиттов» одновременно атаковали Гундарева.

«Молодец Шигаев, вовремя предупредил!» – подумал Алексей, разворачивая машину.

Завязался стремительный воздушный бой, рассыпаясь на отдельные очаги. Наушники наполнились шумом, отрывистыми командами.

Два «мессершмитта» бросились на Гундарева, два – на Шигаева. Алексей на встречном курсе пропустил над собою стервятника и огнем скорострельной пушки распорол его серое брюхо. «Мессершмитт», перевалив через хвост ястребка Гундарева, вошел в крутое пикирование, разматывая ленту темно-оранжевого дыма. Второй из противников вместо атаки высоко проскочил над головой, не приняв боя. Алексей сделал боевой разворот, полагая, что фашист хочет нанести удар с тыла, но увидел совсем другое: Шигаев тоже сбил «мессершмитта», и теперь оставшаяся пара вражеских пилотов решила покончить сначала с Шигаевым, затем с Гундаревым.

Алексей, довольно далеко находящийся от своего напарника, поспешил на помощь.

– Держись! – ободряюще крикнул он, выжимая до предела сектор газа.

Но Шигаев не ушел в сторону, чтобы подождать Алексея, а принял бой с атаковавшими его самолетами. И в тот момент, когда один из врагов нанес ему боковой удар, Шигаев на встречном курсе столкнулся с другим. Последовал взрыв. Из темного облака дыма посыпались куски самолетов. В наушниках Алексея что-то треснуло; зазвенело в ушах. Он рывком сдвинул на затылок шлемофон, провел рукой по взъерошенным, прилипшим к вспотевшему лбу волосам, сказал твердо:

– Прощай, друг! Иного выхода у тебя не было...

Оставшийся «мессершмитт» вошел в крутое пики.

Гундарев, не сбавляя скорости, устремился за ним.

– Третий, третий! – донеслось из шлемофона. – Уходишь в сторону, уходишь в сторону!

Но Алексей упорно гнался за ловко маскирующимся под фон леса противником, который то исчезал из поля зрения, то появлялся снова.

– Не уйдешь! – крикнул Алексей и, поймав «мессершмитт» в перекрестие прицела, открыл огонь.

Но фашист снова отвернул, неожиданно для Алексея взмыл и, сделав полупереворот, дал ответную очередь.

«Опытный ас», – подумал Гундарев, увидев пробоины на правой плоскости своей машины. А фашист опять стал уходить на бреющем полете. Алексей настойчиво преследовал его.

Зона воздушного боя осталась где-то в стороне; команды еле доносились. Только одни помехи завывали в наушниках да вздрагивала всем корпусом пораненная машина. Видно было, что «мессершмитт» подбит. Проскочив лес, он круто развернулся вдоль опушки и пошел на посадку.

– Ты у меня сядешь, гад! – выругался Гундарев, доворачивая машину, и, нажимая на гашетку, с огорчением понял: боеприпасы кончились. – А все-таки не уйдешь! – упрямо промолвил Алексей, прибавляя скорость.

В это мгновение у пробоин появилось пламя. Кабину охватило огнем, жаром обдало лицо. Для раздумий не оставалось времени. Выпустив шасси, Алексей, упрямо скрипнув зубами, вслед за немцем посадил горящую машину.

Белка, перескочившая на сосну, перепуганно застыла на месте, когда две огромные стальные птицы с ревом и шумом приземлились на поляне, оставляя длинные следы в густой, сочной траве. Машина Алексея горела, наполняя прилегающий к поляне лес едким зловонным запахом. Белка испуганно юркнула в дупло, а старый, с общипанным куцым хвостом ворон, каркнув, перелетел на расщепленную молнией осину, ближе к поляне, будто заключив: «Здесь что-то произойдет! Возможно, будет пожива!» Он повертел взлохмаченной головой с массивным клювом и уставился черным глазом на откинувшуюся крышку кабины «мессершмитта». Пилот вытер шарфом кровь, застилавшую глаза, приподнявшись, вскрикнул от боли. Русский самолет горел почти рядом: фашист выхватил из кобуры пистолет и, перевалившись через борт, упал в траву.

«Кар-р-р! – встревоженно прокричал ворон. – Кар-р-р!»

Немецкий летчик пополз к горящему самолету. Алексей, быстро отстегнув парашют, спрыгнул на землю. Грянул выстрел...

«Крах, крах, крах», – с перепугу прокричал ворон и, взмахнув крыльями, улетел.

На поляне продолжалась ожесточенная, не знающая пощады борьба. Гундарев, преодолевая боль в бедре, с обожженным лицом и руками полз навстречу фашисту, но рука с пистолетом невольно опустилась: вражеский летчик был неподвижен. Лицо его было залито кровью, из разорванных пулями дыр шлемофона торчали волосы.

«Ну и попал в переплет! – подумал Алексей, глядя на свой догорающий самолет. – Опять я на вражеской территории».

«Мессершмитт» с погнутыми лопастями винта стоял метрах в двадцати.

«Попытаюсь осмотреть его. Надо что-нибудь предпринимать», – решил Алексей. Вынув из руки врага парабеллум и отбросив его в сторону, Гундарев, шатаясь, направился к «мессершмитту».

Фашист помутневшими глазами взглянул на свой самолет и, напрягая остатки сил, дотянулся до пистолета. Раздалось несколько хлестких выстрелов, они эхом прокатились по лесу, затерявшись где-то далеко в болотах.

Гундарев, вскрикнув от резкой боли в челюсти, упал около «мессершмитта». Фашист продолжал стрелять по самолету. От бронебойно-зажигательных пуль загорелся бензобак. Горящий бензин расплескался на кусты, траву. И в этом огненно-дымном смерче раздался выстрел и леденящий душу предсмертный крик немецкого летчика.

Алексей отполз подальше от горящей машины и вдруг, осененный какой-то мыслью, пополз к немцу.

Фашистские летчики – участники воздушного боя – по прибытии на аэродром сообщили в соседнюю авиачасть, что в их районе сделал вынужденную посадку знаменитый ас корпуса капитан Генрих Шверинг, и просили разыскать его и оказать помощь.

Партизанский дозор, выставленный к дороге, тоже видел, как два самолета – фашистский и советский – сели где-то за лесом. Партизаны, когда наступили сумерки, отыскали место посадки самолетов и были очень опечалены: русский летчик сгорел в своем самолете, а немца так и не удалось найти поблизости. Вскоре прибыл немецкий отряд, и партизанам пришлось с боем отойти, унося с собой завернутые в плащ-палатку останки летчика и его документы, обнаруженные в жестяной коробочке.

2

...Что-то тяжелое, горячее вызывало невыносимую боль в лице. Казалось, стоит чуть повернуться, и кожа снимется, обнажив череп.

– Сейчас ему будет лучше, – сказал Фридрих Корф – худой, словно жердь, мужчина в белом отглаженном халате – главный хирург и начальник полевого госпиталя воздушного корпуса «Рихтгофен». Он передал ассистенту два пустых шприца и, взглянув на койку, где лежал сплошь забинтованный летчик, добавил: – Кажется, успокоился. – Еще с минуту смотрел он бесцветными глазами на лежащего без движения раненого, затем присел на противоположную койку. – До чего живучи люди! Не правда ли, Макс? Я с каждым днем убеждаюсь, что чем больше человек искалечен, тем сильнее у него сопротивляемость организма. Помнишь, как мы испытывали препарат «К^о» на пленных? Какое сильное воздействие, а человек выживает... Этот молодчик меня просто покорила. Давненько я не видел столь живучего организма. – Корф снова задумался. – Макс, помнишь того летчика, что привезли вчера, как его... Ну, тот, у которого оторвана рука выше локтевого сустава? – Он искривил губы и махнул безнадежно рукой: – Умер под ножом... Но этот не из таких! – Корф поднялся с койки и, подойдя вплотную к собеседнику, тихо, как бы делясь с ним тайной, произнес: – Он будет жить! Да, будет!

В палату вошел дежурный врач и вызвал Корфа в коридор, оттуда слышался громкий разговор.

Корф подошел к двум только что прибывшим летчикам и высокомерно смерил их взглядом. Он не терпел шума в стенах госпиталя.

Один из летчиков доложил:

– Мы из части полковника Краузе. Разрешите узнать, что случилось с капитаном Шверингом.

Корф слегка прищурил глаза и повелительно сказал:

– Доложите своему командованию, что Шверинг получил тяжелые увечья... и навряд ли вернется в строй.

– Как же быть, господин профессор? – наивно спросил второй летчик. – Ведь часть на днях перелетает в Польшу.

Корф, не дослушав, резким жестом снял пенсне:

– Личные вещи Шверинга сдайте на склад госпиталя. Остальное меня не интересует.

Незаметно потекли недели. В госпитальной палате, кроме Шверинга, лежали еще два немецких летчика. Один из них, выздоравливающий капитан Гюнке, очень худой, с крупным, выступающим, как у дятла, носом. Синяя жила пересекала его выпуклый узкий лоб и исчезала в коротко постриженных волосах. Он садился на кровати, подтягивая свою ногу в лубках, и вопросительно поглядывал в сторону койки своего коллеги – майора Мюллера – толстого, с обрюзгшим красноватым лицом и коротким приплюснутым носом. Мюллер любил поболтать, но с появлением третьего, тяжело раненого, разговаривал реже.

Обычно между ними завязывались разговоры о том, что, к счастью, им не придется больше воевать, что они вернутся к своим семьям, что фюрер, конечно, их не забудет и, когда кончится война, вознаградит поместьями где-нибудь на Украине или на Кубани.

Во время одного из таких разговоров Гюнке и Мюллера к Гундареву вернулось сознание. Он понял, что находится в немецком госпитале. Было ясно: поскольку он тогда, в лесу, нашел в себе силы переодеться в форму немецкого летчика, его принимают здесь за своего.

Алексей вспомнил, как он надел свою форму на немецкого летчика, а затем перетащил труп к горящей машине. Потом, насколько хватило сил, отполз в глубь леса, путаясь в зарослях кустарника и натываясь на стволы деревьев. Если бы не нашли его собаки, приведенные немцами, он погиб бы от тяжелых ожогов и раны в бедре.

В немецком госпитале надо было упорно продолжать начатую трудную и опасную борьбу. Он теперь «немецкий ас».

«Буду бороться до конца», – твердо решил Алексей, прислушиваясь к разговору немцев.

Узнав, что его принимают за капитана Шверинга Генриха Адольфа, командира группы шестнадцатого воздушного корпуса, Алексей впервые за три недели улыбнулся, но улыбка причинила ему нестерпимую боль: кожа на лице лопнула, засочилась кровь.

Алексей представил, как по выписке из госпиталя его пошлют в одну из частей для прохождения дальнейшей службы.

«Ну что же, пусть посылают, немецкий язык я знаю. Беда с произношением. Но я же контужен, имею тяжелое ранение в челюсть. Лишь бы не послали в часть, где служил Шверинг... Если признают негодным к летной службе, а это вполне вероятно, то после комиссии отправят, как инвалида, в Германию или назначат комендантом какого-либо оккупированного района. Там я сумею продолжать борьбу...»

В такие тяжелые минуты вспоминалось почему-то прошлое. Перед глазами Алексея проплывала донская станица, утопающая в зелени тихих, прохладных садов, расцвеченная радугой цветов около чисто выбеленных казачьих хат. Подвода, запряженная парой лошадей, громыкает по ухабистой дороге. На подводе – два гроба. Следом идут станичники. Бабушка ведет Алексея за руку. Желто-серая пыль нависает над дорогой, становится тяжело дышать. Алеша плачет, размазывая ручонками слезы. Бабушка только всхлипывает, слез у нее не осталось – все выплаканы. Нет больше ни отца, ни матери у маленького Леши. Кулаки зверски расправились с ними...

А позже – школа, институт, работа учителем в школе немцев Поволжья. Командировка с делегацией рабочих и служащих в Германию в 1939 году... Аусбург, Дармштадт, Дюссельдорф, Кельн, Берлин. В 1940 году – аэроклуб, затем авиаучилище... И вот война...

Гундарев лежал, повернувшись к стене. Мюллер и Гюнке считали его, очевидно, спящим.

– Итак, дорогой мой Гюнке, – вполголоса говорил Мюллер, – вам, кажется, повезло? Вы остаетесь вне строя?

– Да, друг мой, вы правы. Я считаю, что сделал все возможное и даже невозможное для Германской империи. Теперь имею право на отдых. Пусть другие ломают хребты и головы, с меня достаточно!

Мюллер недовольно потупил взор, добродушная улыбка сбежала с его лица. Гюнке, наклонясь к его уху и оглянувшись на Алексея, перешел на шепот.

– Мой совет вам: поговорите с профессором Корфом... Его страсть – сувениры, конечно, очень ценные. Да, да! Он помешан на них... Поверьте, Мюллер, мне искренне жаль вас.

Мюллер тяжело вздохнул:

– Я израсходовал свыше тысячи марок, а добился лишь диагноза «язва желудка». Ведь контузия у меня была слишком пустяшная. Да, кстати, кто вам подсказал такое о профессоре?

Этот вопрос, видимо, смутил Гюнке. Он немного помолчал и, придвинувшись еще ближе, тихо сказал:

– Помните обер-лейтенанта Эргарда Босса, он иногда заходит ко мне?

– А-а-а, этот проходимец!

– Да, он тип не из приятных, настоящий авантюрист. Это опасный тип... И все же, к несчастью, без его помощи, и конечно, корыстной, нельзя обойтись в таких щекотливых делах, как освобождение от службы... Решайте этот вопрос, Эрих, пока я еще здесь: он меня немного побаивается, должно быть, помнит, что проболтался мне о многом... Боссу не везет по службе. Начальство его недолюбливает. Но этого тигра – Корфа ему удалось приручить к себе, и они совместно проделывают кое-какие делишки... Что ж, каждый устраивается, как может.

На следующий день, получив белый билет, Гюнке уехал на родину.

Оставшись с Алексеем в палате, Мюллер постепенно завязал с ним дружбу, как с известным асом, выходцем из богатой семьи. Гундареву это было на руку – из болтовни Мюллера он черпал ценные сведения. Алексей ранее ничего не знал о части, где служил Шверинг. Осторожно расспрашивая Мюллера, Алексей понял, что находится в центральном госпитале воздушного корпуса «Рихтгофен», что часть, в «которой он летал», в связи с большими потерями выбыла в Польшу на переформирование. Узнал также и фамилии многих командиров, с которыми «ему приходилось воевать».

Как-то после обеда Мюллер присел на кровать Алексея.

– Скажу откровенно, Генрих, вы имеете полную возможность уволиться по тяжелым ранениям. Неужели вы снова будете подвергать себя таким жестоким испытаниям?

– Ну, что вам ответить, герр Мюллер? Я считаю, что наш долг – честно выполнять приказы фюрера. Это – залог победы.

Алексей бросил презрительный взгляд на Мюллера – и сейчас же спохватился: «Тьфу, и зачем я это говорю? Вышло так, что я агитирую его возвратиться на фронт».

Мюллер в свою очередь задумался: Шверинг, очевидно, настоящий фашист, и, высказав ему свои сокровенные мысли, он, Мюллер, поставил себя в дурацкое положение: «Это – не Гюнке. С Генрихом надо держать ухо востро. А я даже хотел рассказать ему, как симулировал душевную болезнь. Вот бы влип!»

3

Взметая по дороге клубы пыли, на большой скорости мчался «опель-адмирал» с охраной мотоциклистов. Впереди и сзади ехали по два бронетранспортера. Солнечные лучи, проликая сквозь стекло машины, играли на квадратных пенсне начальника штаба воздушного корпуса «Рихтгофен» генерала Китцингера, сидевшего в легковой машине. Устало закрыв глаза и вытянув поудобнее ноги, он, казалось, спал. Но это только казалось. На самом деле он не упустил из виду ничего. Когда проезжали мимо леса, Китцингер настороженно посмотрел по сторонам, положив руку на кобуру парабеллума:

«Проклятые русские партизаны не дают покоя ни днем, ни ночью. Ничего, я вскоре лично займусь этим вопросом, а то каратели слишком вяло действуют. А, впрочем, ликвидация партизан в районе базирования аэродромов – все это потом! Сейчас необходимо выполнить приказание самого Геринга, это прежде всего.

Черт бы побрал этих русских, как они яростно сопротивляются! За два месяца воздушных боев они вывели из строя массу летчиков воздушного корпуса».

Вот теперь ему, генералу Китцингеру, приказано ездить по госпиталям, собирать летный состав, еще пригодный к службе, и откомандировывать в боевые части...

Увидев впереди патруль и дорожный указатель с красным крестом, Китцингер облегченно вздохнул и, не оборачиваясь, позвал:

– Блюм!

Сидевший сзади офицер с толстым портфелем на коленях наклонился к нему. Китцингер, выдержав паузу, сказал, закрыв глаза:

– Еще раз повторяю: нам поручена весьма ответственная задача, – он приоткрыл левый глаз, искоса глядя на шофера, но тот, как каменное изваяние, врос в руль, – проверять больных и раненых, невзирая на истории болезней и заключения врачей. Кого мы сами найдем нужным, немедленно выписываем в часть. Надеюсь, вам ясно?

Блюм вскочил и хотел подтвердить, что ему все ясно, но, стукнувшись головой о потолок кабины, резко сел. Китцингер, наблюдавший за Блюмом в зеркало сквозь щелочки прикрытых глаз, добавил каменным голосом:

– Никакой скидки. Никому! Есть сведения, что многие после госпиталя надеются выбыть из строя и даже рассчитывают на щедрые дары фюрера, словно война уже окончена. Поблажек ни-ка-ких!

Не успел Китцингер закончить разговор, как автоматная очередь прошла кабину. Шофер вздрогнул и, резко затормозив машину, упал грудью на руль. Сопровождающие автоматчики обстреляли лес. Гулко хлопали разрывы гранат. Китцингер, придерживая руль, открыл дверцу, вытолкнул тело убитого шофера из машины и сам занял его место. На дороге осталось несколько опрокинутых мотоциклов и трупов солдат.

До госпиталя ехали молча. Китцингер злобно скрежетал зубами.

На полном ходу «опель-адмирал» влетел во двор, резко затормозил у высокого дерева. Блюм выскочил из машины, услужливо открывая Китцингеру дверцу. На крыльцо госпиталя вышел удивленный профессор Корф. «По какому случаю прибыло столь высокое начальство и почему меня никто об этом не предупредил?»

– Хайль, – хмуро ответил на приветствие генерал и, не глядя на окружающих, быстро прошел в кабинет Корфа. Блюм еле успевал за ним. По телефону Китцингер вызвал карательную экспедицию, указав район нападения партизан, затем обратился к Корфу:

– Немедленно представьте истории болезней выздоравливающих, я буду беседовать с каждым.

Корф стоял навывтяжку, бледный, как стена, а в голове роились мысли: «Что случилось? Донос? Кто? За что?» На лбу выступила испарина.

– Выполняйте, – отчеканил Китцингер, усаживаясь в кресло.

Корф выбежал в коридор и, увидев Макса, потянул его зачем-то в кладовую, а затем в операционную:

– Представьте немедленно истории болезней на всех выздоравливающих. Где каптенармус? Немедленно приготовить обмундирование на выздоравливающих. Ну, живо! – Корф толкнул Макса в плечо и побежал по коридору, на ходу отдавая распоряжения.

Через несколько минут Китцингер уже рассматривал истории болезней, передавая их Блюму.

– Лейтенант Ромм Ганс Анке, 1918 года рождения, дважды легко ранен во Франции в 1939 году, настоящий диагноз: сильное расстройство желудка, невропсихоз. В госпитале находится полтора месяца, – Китцингер поморщился, строго посмотрел на Корфа и положил историю болезни в белую папку с надписью: «*Вернуть в строй*».

– Майор Мюллер Эрик Август, 1914 года рождения, ранений не имеет, дважды лежал в госпитале, диагноз: контужен, язва желудка. – В конце заключения в скобках стоял вопросительный знак. Китцингер подчеркнул вопросительный знак и отложил историю болезни в папку на выписку.

4

Алексей рассматривал содержимое чемодана капитана Шверинга, доставшегося ему «по наследству». В чемодане были: пара новенького парадного обмундирования, пачка ассигнаций, письма, серебряные ложки, красивая детская кукла, шкатулка палехской работы, а в ней много колец, серег, брошек.

Внимание Алексея привлекла фотолейка. Взглянув на Мюллера, высунувшегося в окно, Алексей незаметно спрятал ее на дно чемодана.

– Генрих, Генрих! Иди скорее сюда, – позвал Мюллер.

Алексей, опираясь на палку, подошел, выглянул из окна. Во дворе стояла легковая машина, окруженная четырьмя бронетранспортерами. Под окнами расхаживали немецкие солдаты в форме «СС» с автоматами на изготовке.

«Что бы это значило? – подумал Алексей. – Не за мной ли эта орава пожаловала? Да нет, слишком много чести для меня!»

А Мюллер, не отрываясь, смотрел на машину:

– Сам Китцингер прибыл, – сказал он тихо, заикаясь. – Значит, что-то произошло, если столь важная персона посетила госпиталь. Как думаешь, Генрих, зачем он здесь?

Алексей пожал плечами, наблюдая, как к машине подошли выздоравливающие офицеры и принялись рассматривать пулевые пробоины.

– Партизаны, не иначе как партизаны! – сказал один из них.

В глазах Алексея на мгновение вспыхнули радостные огоньки. Мюллер забеспокоился.

– Пойду послушаю, что говорят о приезде генерала.

Алексей размышлял, расхаживая по комнате: «Партизаны, партизаны, ну, а где они? Убежать, искать их в лесу? Предположим, найду, а дальше что? Гвардии старший лейтенант явился из вражеского стана! И это, хорошо владея немецким языком, пользуясь доверием врага, имея возможность продолжать борьбу... Нет... Нет!»

В палату вбежал встревоженный Мюллер.

– Генрих! Генрих!.. – от волнения он не мог выговорить ни слова и тяжело опустился в кресло.

Алексей налил стакан воды, подал ему. Мюллер с жадностью выпил.

– Генрих... Я пропал, – упавшим голосом сказал Мюллер, – пошлют на фронт. Генерал Китцингер сам отбирает офицеров для пополнения воздушного корпуса. Что мне делать? – Мюллер в панике схватился за голову.

Алексей затянулся сигарой, молча, слегка улыбаясь, посмотрел на него, потом сказал спокойно:

– А этот обер-лейтенант Босс? Ведь он же помог Гюнке получить отставку? Я слышал, он и тебе обещал все устроить.

Мюллер вскочил, зло сверкнув глазами и сжав кулаки.

– О, этот негодяй выкачал у меня все деньги, пять ручных и карманных часов. Да еще потребовал тысячу марок, и я вынужден был послать письмо домой, чтобы их выслали... Генрих, ты хороший, честный друг, посоветуй, как быть?

Алексей прошелся по комнате, погасил сигару и, остановившись около Мюллера, твердо сказал:

– Пошли ты ко всем чертям этого...

– Правильно! К черту, к черту эту свинью... Ах, но теперь уж поздно, совсем поздно... Меня ничего не спасет!

В комнату вошел Босс. Неопределенная улыбка застыла на его суховатом лице. Мюллер медленно подошел к нему. Оба настороженно смотрели друг на друга. Босс нагло спросил:

– Эрих, вы получили перевод? Действуйте, пока еще не поздно. Время не ждет.

Мюллер побледнел от приступа нахлынувшей ярости. Он заложил руки за спину и крикнул на всю палату:

– Господин обер-лейтенант, вон отсюда, ко всем чертям! Вон!

Мюллер, вероятно, избил бы Босса, если бы не помешал этому вошедший ординатор.

– Господин майор, – обратился он к Мюллеру, – наденьте форму. Вас вызывает генерал.

Босс злорадно усмехнулся и вышел вслед за ординатором. Через несколько минут ушел Мюллер.

«Надо действовать, не теряя времени», – думал Алексей. Он набросил халат, схватил палку капитана Гюнке и, стараясь держаться прямо, зашагал по коридору.

Вокруг кабинета начальника госпиталя уже толпились одетые в форму выздоравливающие летчики.

Алексей подошел к двери, резко отстранил часового, пытавшегося заслонить ему автоматом дорогу, и, войдя в кабинет, поднял руку:

– Хайль Гитлер!..

Все вскочили.

– Хайль!..

Китцингер, разговаривавший с одним из офицеров, побагровел от гнева. Корф открыл рот от удивления. Алексей отчеканил, обращаясь к генералу:

– Капитан Шверинг, командир группы шестнадцатого воздушного корпуса.

Китцингер, не мигая, смотрел на Алексея. Он быстро подавил в себе гнев, припомнив своего знакомого – Адольфа Шверинга, крупного помещика в Восточной Пруссии. Не тот ли это белоголовый мальчик, гонявшийся когда-то за бабочками в старинном парке? Взглянув на изуродованного войной парня, генерал содрогнулся: лицо офицера перетягивали бурые разводы – следы ожогов. Челюсть была, очевидно, переломлена у подбородка, и офицер сильно картавил. Виски покрыты сединой.

– Я слушаю вас, – ответил Китцингер.

– Господин генерал, я как солдат германских вооруженных сил присягал фюреру служить верой и правдой, а если потребуется, умереть за него и за великую Германию. Узнав о вашем прибытии, считаю своим долгом просить вашего приказа о немедленной отправке меня на фронт.

Наступило минутное молчание.

– Корф, дайте мне историю болезни капитана Шверинга.

– Капитану Шверингу еще рано записываться в выздоравливающие, – растерянно проговорил Корф.

– Выполняйте! – строго приказал Китцингер.

Просмотрев историю болезни Шверинга, Китцингер убедился, что это действительно сын его знакомого из Восточной Пруссии, ныне прославленный ас воздушного корпуса, награжденный двумя Железными крестами. Капитан был трижды тяжело ранен. Диагноз последнего ранения: перелом бедра, ожоги лица и тела второй степени. Перебита челюсть.

– Н-да... – задумчиво протянул Китцингер. Потом, что-то сообразив, сказал решительно, обращаясь к Корфу: – Сейчас же выдать капитану обмундирование. Ваша просьба удовлетворена, капитан Шверинг, – повернулся он к Алексею. – Мы очень нуждаемся в таких, как вы. Но должен вас предупредить: корпус, в котором вы сражались, выбыл на формирование и вам придется служить в другой части.

Алексей коротко поблагодарил.

Китцингер многозначительно посмотрел на Блюма. Тот довольно улыбнулся.

В кабинет без доклада вошел офицер-эсэсовец. Он наклонился к генералу и сказал ему что-то на ухо, Китцингер вскочил.

– Господа, я вынужден отлучиться, – резко бросил он.

И хотя генерал никого не приглашал следовать за ним, все поспешно вышли во двор.

Автоматчики тесным кольцом окружили двух деревенских ребяташек. Исподлобья хмуро смотрел на окружающих мальчик лет десяти, худенький, в кацавейке с чужого плеча, коротеньких заплатанных штанишках, подпоясанных бечевкой. Его босые ноги, руки и шея были грязны. На голове густая копна давно не стриженных волос. Рядом с ним – девочка с заплаканным личиком. Ей не больше двенадцати лет. Замусоленная ленточка вплетена в жиденькую косичку. Под глазом во всю щеку лиловый синяк – девочку, видимо, били. Один из эсэсовцев держал на веревке очень худую козу – истинную виновницу происшествия. Она жалобно блеяла и, помахивая кучым хвостом, топталась на месте.

Увидев генерала, девочка захныкала, и мальчуган резко потрянул ее. Китцингер посмотрел на него пронизательно. Видимо, непокорное поведение мальчика ему не понравилось. Хотя генерал был явно разочарован поимкой «партизан», он наклонился к офицеру-эсэсовцу:

– Гатц, где вы их задержали?

– В запретной зоне, господин генерал, недалеко от госпиталя. Вероятно, это разведчики партизан. Какие будут указания?

Китцингер задумался, покачивая головой в такт вальсу, доносившемуся из репродуктора. Потом мягко, будто напевая, распорядился:

– Хенген! Хенген!¹

Алексей, находившийся в толпе любопытных, до боли сжал кулаки. Корф попросил генерала отдать детей для медицинских опытов. Китцингер, несколько поколебавшись, согласился. На лбу Алексея выступила испарина. Чтобы не выдать себя, он ушел.

Мюллер удивился, когда «Шверинг» вошел в комнату в полной форме. Он даже протер глаза, не веря себе.

– Генрих, ты... ты... тоже, да?

Алексей возбужденно ответил:

– Ничего, Эрих, мы еще повоюем! Мы им покажем!..

Мюллер ухмыльнулся печально и недоверчиво:

– Да... Покажем... Выпьем! – предложил он Алексею и, нагнувшись, достал из чемодана две бутылки шнапса.

– Правильно, Эрих, выпьем за выполнение того, к чему я стремлюсь! – И подумал: «Если бы ты знал мои стремления!»

Мюллер повеселел: Генрих нравился ему, на него можно положиться. К тому же он прославленный ас...

Закончив дела, генерал уехал под усиленной охраной эсэсовцев. И не успел еще утихнуть гул бронетранспортеров и машин, как через открытое окно в палату ворвался пронзительный детский вопль, доносившийся из подвала. Алексей подбежал к окну, вцепился руками в подоконник.

Из главного входа на крыльцо вышел капитан из числа выздоравливающих, за ним следовал профессор Корф. Профессор был взбешен:

– Капитан Ганн, кто разрешил вам вмешиваться в мои дела?

Ганн резко повернулся к Корфу:

– Господин профессор! Вы смогли бы понять это, если бы из вашего сына, как из этого мальчишки, высосали всю кровь...

Резко отстранив профессора, Ганн ушел в палату. Корф со взъерошенными волосами, в белом халате, забрызганном кровью, медленно прошел мимо окна Алексея, направляясь в свой флигелек.

---

¹ Хенген – повесить (нем.).

«Детоубийца!» – прошептал сквозь стиснутые зубы Алексей.

Мюллер, изрядно охмелев, подошел к Алексею и, обняв его сзади, заговорил преданно:

– Генрих, мы с тобой теперь навек друзья, мы с тобой никогда не бросим друг друга. А если и умрем, то за великую Германскую им-мм-перию!

Окончательно опьянев, Мюллер завалился на кровать, продолжая что-то бессвязно говорить. Алексея захлестнула волна негодования. В разгоряченном сознании возникал детский вопль, до боли сжималось сердце...

Из соседнего дома, где находилась группа офицеров, подготовленная к отправке на фронт, доносилась отчаянная брань играющих в карты летчиков. Вдалеке, на аллейке, белела удаляющаяся фигура Корфа. Не почувствовав боли в раненом бедре, Алексей с ловкостью акробата выпрыгнул в окно, быстро догнал профессора. Тот резко остановился, услышав приближающиеся со стороны госпиталя шаги, и... три выстрела всколыхнули ночную тишину. Корф, судорожно хватаясь за ветви кустов, упал, даже не вскрикнув.

Вышедший из помещения Босс был единственным свидетелем этой сцены. Он выхватил пистолет и трясущейся от волнения рукой спустил курок. В напряженной тишине грянул еще один выстрел. Алексей отскочил к дереву и дважды выстрелил в Босса, но тот стремительно вбежал в помещение, опрокинув в коридоре двух офицеров. В окне столовой со звоном вылетело разбитое пулей стекло. Со стороны леса дробно застучала автоматная очередь, затем другая, третья... Из кустов, рядом с флигелем, раздался полный отчаяния крик: «Партизаны!» – и... потонул в нарастающей перестрелке.

Офицеры мгновенно, словно крысы во время кораблекрушения, покинули светлый зал. Стреляя на ходу и подбадривая себя выкриками, они залегли в кустах.

Из леса, вообразив, что партизаны проникли в расположение госпиталя, отвечали дружные автоматные очереди охранников. В госпитальных корпусах поднялась паника. Между охранниками и офицерами завязалась отчаянная перестрелка. Алексей оказался между двух огней. Он, словно затравленный, метался и ползал, прячась по кустам, пока не свалился в щель, вырытую на случай бомбежки.

Когда обойма пистолета опустела, Алексей стал зазывать пробегающих мимо офицеров: – Сюда, скорее, здесь укрытие!

Некоторые кинулись к нему в щель. Кто-то сунул ему в руку запасную обойму.

Вскоре охранники плотным кольцом окружили офицеров, находившихся в укрытии.

– Партизаны, сдавайся! – кричали они.

Один из офицеров, выругавшись, подал команду прекратить огонь. Охранники бросились на офицеров и, невзирая на ругань, связали и потащили их в госпиталь.

Алексей вовремя покинул щель и тем же путем, через окно, проник в свою палату. Он был удивлен и обрадован, увидев Мюллера безмятежно спавшим на койке. Не зажигая света, Алексей быстро переоделся, вложил свой пистолет в кобуру Мюллера, а его – взял себе.

С улицы доносились ругань и выкрики споривших с охранниками офицеров.

Светало. По двору и в кустах валялись трупы убитых. Врачи перевязывали и оперировали раненых. Двор наполнился подъезжающими машинами, транспортерами, мотоциклами.

Утром генерал Китцингер спешно возвратился в госпиталь. Офицеров, назначенных для отправки на фронт, задержали на сутки.

Заняв кабинет убитого Корфа, генерал начал расследование происшествия. Но установить что-нибудь определенное не удалось. Отъезжающие были изрядно пьяны, а те, кто оставался на излечении, крепко спали после бессонной ночи.

Наступила очередь Алексея и Мюллера. Они вошли к генералу вместе. Китцингер сидел уставший. Веки его покраснели, лицо было землистым.

– А вы что скажете о происшедшем?

Генерал устало закрыл глаза и поудобнее уселся в кресле.

– Когда начался обстрел... – начал Мюллер... и вдруг замолчал, поглядывая на Алексея.
– Продолжайте, майор, продолжайте, я вас слушаю, – тихо сказал Китцингер.
– На чем это я остановился... Да, начался сильный обстрел со стороны леса. Мы с капитаном Шверингом, – генерал приоткрыл один глаз и посмотрел на Алексея, – подбежали к окну. Шверинг едва ходит, а я... я...

– Вы что, тоже были пьяны? – перебил его Китцингер.

– Никак нет, господин генерал, но при моей комплекции... – Мюллер провел рукой по своему объемистому животу.

– Ясно, дальше!

– Так вот, а на дворе суматоха, кругом перестрелка. Партизаны в нашей летной форме бегают по двору, как у себя дома, и стреляют в наших.

Эсэсовец Гетц вскочил со стула и крикнул Мюллеру:

– Да откуда вам известно, господин майор, что это были партизаны? Они что, докладывали вам об этом?

Мюллер растерянно пожал плечами:

– Конечно, это были партизаны! Ведь они вчера и господина генерала обстреляли... К тому же и лазутчики-подростки тоже были задержаны вчера...

Китцингер недовольно посмотрел на Гетца:

– Продолжайте, господин майор.

Но Мюллер начал беспомощно заикаться, прикрывая рот платком. Генерал недовольно взглянул на него и, сообразив, очевидно, в чем дело, спросил:

– Вы были контужены, майор?

– Т-т-т-а-ак т-точно, гос-с-сподин ге-ге-ге... – не сумев выговорить последнее слово, Мюллер замолчал, смущенно разглядывая кончик сапога.

– Капитан Шверинг, – обратился Китцингер к Алексею, – вы что-нибудь добавите к объяснению Мюллера?

– Нет, господин генерал, – ответил Алексей. – Мои впечатления совпадают с теми, о которых доложил господин майор.

Выйдя от генерала, Мюллер заметно повеселел:

– Ну, Генрих, после такой суматошной ночи и выпить не мешает.

– Ладно, Эрих, вот прибудем в часть, сразу все и отметим.

Но Мюллер настоял на своем и побежал в походную лавку.

Расположившись под кустом боярышника, Алексей открывал консервные банки. Июньское солнце сквозь листву деревьев сеяло лучи на полянку.

– Господин капитан, – услышал Алексей. Сзади, скрестив на груди руки, стоял обер-лейтенант Эргард Босс.

– Что вам угодно? – продолжая открывать банку, вежливо, но холодно спросил Гундарев.

– Мне угодно с вами поговорить, – нагло ответил Босс.

– Простите, но я вас не знаю и говорить нам решительно не о чем, – ледяным тоном отозвался Алексей. Он ловко нанизал сардину на кончик перочинного ножа и положил ее на тонкий ломтик хлеба.

– Смотрите, пожалеете об этом, – повысил голос Босс. Надменная усмешка блуждала в его чуть прищуренных зеленоватых глазах.

Алексей быстро встал:

– Что это значит, обер-лейтенант? Потрудитесь объяснить.

Босс постоял мгновение в нерешительности, затем повернулся и пошел по тропинке в направлении домика покойного профессора Корфа. По дороге он встретил Мюллера с двумя бутылками шнапса и свертком в руках. Босс козырнул ему и пристально посмотрел вслед.

– Генрих, – крикнул Мюллер, – что ты стоишь? Помогай скорее, а то урону бутылки.

Но Алексей наблюдал за Боссом. Тот прошел было под окнами бывшего кабинета Корфа, потом возвратился, поднялся на крыльцо и скрылся за дверью.

– Ну, что ты стоишь, как пень? – ругался между тем Мюллер. – Давай скорее... Я надеялся, что ты все приготовил...

– Эрих, – перебил его Алексей. – Босс что-то задумал. Он только что пытался говорить со мной, но я уклонился от разговора.

– И правильно поступил. Зачем заводить знакомство с этакой дрянью? Лучше посмотри, что я раздобыл в лавке... – Но, взглянув на расстроенное лицо друга, Мюллер с тревогой спросил: – А что случилось?

– Ничего особенного, – ответил Алексей.

Однако встреча с обер-лейтенантом сильно взволновала Алексея. «Что было нужно этому Боссу? Почему он сказал: “Вы еще пожалеете...” Странно...» – думал Алексей, не слушая возбужденную болтовню Мюллера.

5

Генерал Китцингер беседовал с гауптштурмфюрером Гетцем.

– Так ваше мнение, милейший, сводится к тому, что в расположении госпиталя действовала диверсионная группа русских?

Гетц развел руками:

– Не знаю, что и ответить, господин генерал. Это чистая работа... Действовала, видимо, десантная группа противника. Но пробраться через посты охраны, перестрелять десяток летчиков и так же бесследно скрыться... К тому же исследование трупов показало, что раны на теле убитых были нанесены из оружия нашего образца – пистолетов и автоматов. Калибр пуль 9 миллиметров, некоторые удалось извлечь, вот они.

Гетц достал пакетик и, вскрыв его, высыпал содержимое на стол.

Китцингер оживился. Ему очень хотелось еще раз упрекнуть гестапо в том, что борьба с партизанским движением в районе базирования аэродромов ведется слабо. В действительности же он был склонен думать, что ни диверсантов, ни партизан здесь и близко не было, что все возникло под действием винных паров, а потом – паника, в результате которой была открыта стрельба по своим же. Корф и другие офицеры стали жертвой этой суматохи. Но высказать свои предположения генерал не хотел, чтобы не снимать ответственности с гестаповцев. Поэтому он продолжал издеваться над Гетцем:

– Довольно-таки странно получается, если поверить вам, гауптштурмфюрер. Русские выбрасывают десант с нашим оружием? А зачем им такой балаган, милейший? Разве у них не хватает своего оружия?

– Но ведь, господин генерал, из показаний наших офицеров ясно видно, что русские были в форме немецких летчиков, а следовательно, для маскировки у них было и оружие нашего образца.

– Тогда покажите мне хотя бы один труп диверсанта! – гневно крикнул генерал, стукнув ребром ладони по столу. – Где он, я вас спрашиваю?! Ладно, гауптштурмфюрер, – устало махнул рукою Китцингер, – ваши соображения лишены всякого смысла, подписывайте акт и налаживайте свою службу... Должен вам заметить, что командующий доложит о случившемся вашему шефу группенфюреру Кляусу.

Гетц проглотил горький комок, подступивший к горлу, подписал акт. Это уже грозило его личной карьере.

– Господин генерал, – тихо произнес обескураженный Гетц, – а не кажется ли вам, что все происшедшее всего-навсего несчастный случай?..

– Что? – крикнул злобно Китцингер, догадавшись, о чем хочет сказать Гетц. – Запомните раз навсегда, гауптштурмфюрер, мне никогда и ничего не кажется, а если вам мерещится, бывают галлюцинации, обратитесь к психиатру. Можете быть свободны, гауптштурмфюрер...

Когда дверь за Гетцем закрылась, Китцингер тяжело вздохнул и глубже уселся в кресло. Его клонило ко сну. В голове был сплошной хаос: партизаны, диверсанты, несчастный случай, – не все ли равно? В конечном счете, никто не сумел предупредить это весьма неприятное происшествие.

В дверь тихо, но настойчиво постучали. Китцингер недовольно поморщился. Будто бы он никого не вызывал к себе. Нужно поставить у входа дежурного офицера.

– Войдите, – разрешил генерал и недоуменно посмотрел на робко вошедшего в комнату обер-лейтенанта. – Что вам угодно? – сурово спросил Китцингер, проклиная в душе непрошеного посетителя.

– Я обер-лейтенант Босс, – словно извиняясь, сказал вошедший...

– Ну и что ж? – оборвал его Китцингер. – Докладывайте, но как можно короче...

Босс оглянулся, словно его кто-то мог подслушать, и осторожно подошел к столу.

– Господин генерал, имею честь доложить, что капитан Шверинг застрелил профессора Корфа.

– Что?! – вскочил генерал. – Вы с ума спятили, обер!.. Ведь вы должны знать, что Шверинг обязан Корфу собственной жизнью. Вы отвечаете за свои слова или болтаете о том, что вам приснилось?

Босс растерялся. Он опустил голову и негромко, но решительно произнес:

– Я вам доложил то, что видел собственными глазами.

Китцингер вскочил с кресла и, разглядывая Босса в упор, спросил:

– Кто, кроме вас, видел это?

– Не знаю, господин генерал, но я точно видел: Шверинг стрелял по профессору.

– Еще один вопрос, обер-лейтенант. Вы не отведали вчера шнапса?

Босс, не моргнув глазом, отрицательно покачал головой.

Китцингер снял телефонную трубку и срочно вызвал к себе Гетца. Потом приказал Боссу:

– Оставайтесь пока здесь.

Тщательное исследование трупа профессора Корфа, проведенное Гетцем и врачами, показало, что профессор был застрелен из парабеллума. Проверенный Гетцем пистолет Шверинга (он сделал эту проверку украдкой, когда Гундарев с Мюллером спали под кустом после сытного обеда) не дал должного результата: в обойме оказались все патроны и из пистолета не стреляли очень давно.

Выслушав доклад Гетца, Китцингер обратился к Боссу.

– Ваши подозрения, обер-лейтенант, необоснованны. К тому же этого никто не видел, кроме вас. Но то, что вы доложили, быть может, заслуживает некоторого внимания. Идите!

Босс ушел озадаченный.

– Этому обер-лейтенанту, очевидно, померещилось с перепугу черт знает что, – сказал генерал Гетцу. – К тому же он нагло соврал мне, что был вчера трезвым. Ну зачем было Шверингу убивать профессора? Ведь если бы не Корф, то Шверинг давно был бы в могиле. А из опроса офицеров вообще не поймешь, кто в кого и зачем стрелял. Этого Босса я возьму на особый учет. Уж где-где, а здесь явно личные счеты... Ну, вы идите, Гетц, я немного отдохну...

6

Гундарев и Мюллер получили назначение в часть полковника фон Штальбе-Гейнц. Ехали они на бронетранспортере. Китцингер отдал распоряжение, чтобы всякий транспорт передвигался только с охраной. Сидящие на транспортере солдаты с автоматами на изготовку внимательно следили за местностью. Слухи о налете партизан на машину генерала и на госпиталь быстро разнеслись по всей округе.

Покачиваясь в такт быстро мчащемуся транспортеру, Алексей вспоминал о своем первом боевом крещении в тылу врага. Случай произошел непредвиденный и заставил Алексея задуматься: такие неожиданные срывы могут стоить жизни...

Мюллер толкнул Алексея локтем в бок. Бронетранспортер в это время обогнал грузовую машину. В кузове под охраной сидели русские девушки с повязками на глазах. С ними двое гитлеровцев. Один из ехавших на транспортере солдат сказал, засмеявшись:

– Русские барышни! Уборщицы штаба. Хорошие девчата!

Мюллер подмигнул Алексею. Тот зевнул, с безразличным видом оглянулся на отставшую автомашину.

За поворотом оказалась большая поляна. На ней размещался искусно замаскированный аэродром. Поодаль, в лесу, виднелись землянки. Весь участок был обнесен проволочным ограждением в три ряда. На вышках, прикрытых сверху хвоей, расположились посты со станковыми пулеметами.

– Приехали! – весело крикнул водитель, когда транспортер затормозил недалеко от продолговатой землянки с чуть видневшимися над землей окнами.

Мюллер спрыгнул на землю и, поставив чемоданы, помог сойти Алексею. От землянки, навстречу им, шел офицер с повязкой дежурного на рукаве. Проверив документы, он проводил офицеров к командиру части полковнику фон Штальбе. После короткого знакомства с Мюллером Штальбе сказал ему, что назначение он получит позже.

Когда Мюллер вышел, полковник обратился к Алексею:

– Вы знакомы с генералом Китцингером?

Алексей ответил, что знает Китцингера лишь по службе. «По службе? – подумал Штальбе. – Если бы дело было так, генерал не звонил бы и не предупреждал, что для этого офицера надо создать особые условия... Видно, скромничает малый или...»

Поднявшись из-за стола, Штальбе подошел к Алексею.

– У меня привычка достойно встречать хороших асов, делающих честь моему полку. Хайль!

– Хайль!

Штальбе опустился в мягкое кресло. «Ясно, – соображал он, – Китцингер прислал ко мне своего соглядатая... Но меня не так-то легко провести». Он взглянул на Алексея и сказал официальным тоном:

– Учитывая, что у вас имелись сильные ожоги и вы были тяжело ранены, я направляю вас в авиагруппу майора Вебера. Будете у него начальником штаба. Так просил генерал. А когда поправитесь, подберем место, достойное вас...

– Очень благодарен вам, господин полковник, но предпочел бы летать.

– Прежде всего – здоровье, дорогой капитан, – полковник Штальбе похлопал его по плечу.

Теперь, когда общий язык, казалось, был найден, Штальбе стал рассказывать Алексею о Вебере, его авиагруппе, о том, какими замечательными подвигами прославилась она полк. Алексей слушал внимательно, стараясь не проронить ни слова.

Когда Штальбе вдоволь наговорился, Алексей попросил полковника направить вместе с ним майора Мюллера.

Улыбнувшись, Штальбе кивнул в знак согласия.

– Друзья?.. Это хорошо. Как говорят русские: старый не друг лучше новых не двух.

Штальбе любил вставлять в свою речь русские пословицы, но часто перевирал их.

Алексей сделал вид, что не понял сказанного Штальбе. Тот рассмеялся и повторил поговорку на немецком языке.

– Нужно, гер капитан, знать в совершенстве язык врага, – полушутя-полусерьезно подчеркнул он, внимательно просматривая личное дело Мюллера.

Случайно взглянув на стол, где лежало несколько папок с личными делами, на одной из них Алексей увидел аккуратно выведенную надпись: «*Обер-лейтенант Эргард Босс*».

«Значит, этот прохвост прибыл с нами в одну часть. Любопытно».

Получив разрешение идти, Алексей вышел.

Штальбе остался доволен собой. Он ловко «обыграл» Китцингера.

Мюллер нетерпеливо прохаживался возле штаба, ожидая друга.

– Эрих, – окликнул его Алексей, – я добивался, чтобы нас назначили в одну авиагруппу.

Теперь дело решенное...

Мюллер схватил его под мышки и стал кружить вокруг себя:

– Ну и молодчина, Генрих, благодарю тебя!

– А знаешь, кто прибыл вместе с нами? – спросил Алексей.

– Кто?

– Обер-лейтенант Эргард Босс!

– Тьфу! – с досадой плюнул Мюллер. – Этого еще здесь не доставало. Постой, но ведь он хвастал офицерам, я сам слышал, что получил назначение в отдельную группу к полковнику Краузе и был весьма доволен, что эта группа в Польше на переформировании. Правда, это было до происшествия в госпитале... Как же он попал вместе с нами? – Мюллер хотел сказать еще что-то, но вдруг, поперхнувшись, закашлял и махнул рукой.

Узнав у дежурного по штабу, где находится землянка майора Вебера, Алексей и Мюллер направились в сторону леса. Алексей внимательно разглядывал аэродром. Вечерело. Небо затянуло тучами, моросил мелкий дождь. За поворотом Алексей увидел хорошо замаскированный склад боеприпасов. «Так, учтем, – отметил он. – Сначала надо хорошо ознакомиться с аэродромом...»

Из-за кустов появилась шумная компания летчиков; один из них играл на аккордеоне. Алексей внезапно ощутил тоску по родным краям, по своим песням, друзьям.

– Чувствуется, Генрих, настоящая фронтовая обстановка, – оживился Мюллер, кивая головой в сторону идущих.

– Нет, это еще не фронт, – возразил Алексей.

Мюллер задумался: вскоре ему опять придется летать и сражаться с русскими. Настроение сразу упало. Как хорошо было в солнечной Франции, когда их часть стояла на аэродроме в Париже: море вина, рестораны, кафе-шантаны, женщины...

Из-за кустов можжевельника показалась землянка. У входа в нее висел флаг с изображением черного дракона на белом щите.

«Где-то я уже встречал эту эмблему?» – вспоминал Алексей. И в памяти почему-то возник тот день, когда он перехитрил фашистского летчика и улетел на его машине к себе на аэродром.

Алексей первым вошел в землянку.

– Хайль Гитлер! – приветствовал он присутствующих, поставив чемодан на пол.

– Хайль! – ответили ему голоса. Офицеры сидели за столом у оперативной карты. Многие с любопытством посмотрели в сторону прибывших. Алексей, не торопясь, снял шинель, повесил. Чемодан поставил к стене. Мюллер последовал его примеру.

Из-за стола навстречу новичкам поднялся рослый, хорошо сложенный блондин, с тонкими чертами лица, подстриженными усиками и косыми бакенбардами. Проницательный, властный взгляд его говорил о том, что здесь он хозяин. На нем ладно сидела парадная куртка с блестящими нашивками и наградами. Это был командир авиагруппы майор Вебер.

Алексей и Мюллер доложили ему о прибытии.

Вебер, разглядывая офицеров, пожал им руки.

Алексей исподволь знакомился с присутствующими и новым помещением. Офицеры были одеты разнообразно: кто в нательных рубашках, кто в пижамах. У входа в землянку стоял стол, а чуть левее – что-то вроде топчана, покрытого ковриком. А на нем огромный, дымчатый, с рыжими подпалинами, дог внимательно наблюдал за новыми людьми. У стен – несколько кроватей. На крючках, вбитых в стену, развешено летное обмундирование. Почти у самой двери – портрет какого-то аса с двумя железными крестами и множеством медалей.

Началось знакомство. Каждый называл свое имя. Последним протянул руку Курт, – фамилии его Алексей не расслышал, – здоровенный блондин с красным лицом. Из глубины комнаты подошел плотно сложенный капитан. Все замолчали. Видно, человек этот пользовался авторитетом. Внешне он почти ничем не отличался от окружающих, но в его осанке, манере держаться, говорить и даже в серьезно сдвинутых бровях было что-то выделяющее его из общей массы офицеров. Поздоровавшись с вновь прибывшими, он отрекомендовался Фридрихом Ганном.

– Монах, – съязвил Курт, – не курит, не пьет, и, кроме своей Анхен, никого не признает. Офицеры за столом рассмеялись.

Ганн, не реагируя на шутки, откланявшись, отошел в глубь землянки. Он взял какую-то книгу и углубился в чтение.

«А лицо его мне знакомо, – подумал Алексей. – Да ведь я его видел в госпитале! Это он, капитан Ганн, отчитал Корфа в ту памятную ночь...»

Офицеры, по указанию Вебера, быстро накрыли на стол, усадили новичков; Шверинга – рядом с Вебером, как старших начальников. Полилось вино, тосты. Алексей закусывал с аппетитом. «Жаль только, что зубов мало осталось», – шутливо заметил он о себе.

Пир затянулся. Больше всех пил и сквернословил Курт. За окном стемнело, землянку тускло освещал подвешенный к низкому бревенчатому потолку фонарь. Плотными клубами тянулся к приоткрытой двери табачный дым.

Алексею захотелось на свежий воздух.

Он встал и, выходя на улицу, задержал взгляд на портрете аса. За Алексеем поднялся Вебер.

– Кто этот офицер? – обратился к нему Алексей.

– Выйдем, расскажу, – коротко ответил Вебер.

На дворе сгущались сумерки. От штаба части доносились окрики часовых. Тихо перешептывалась листва в лесу. От земли тянуло запахом прели. Где-то вдалеке кричала выпь.

Алексей и Отто Вебер сели на траву.

– Ты спрашиваешь, кто этот ас? Это был сильной воли человек. Да наскочила однажды коса на камень! Погнался он за славой, будто ему той, что была, не хватало. Хотел русского летчика, которого сам же подбил, в плен захватить лично. Тот на подбитой машине в лесу сел, да и бензин у него был на исходе. А Рекст, так звали моего лучшего аса, следом за ним приземлился. Мы все это наблюдали с командного пункта. Людей к нему на помощь послали. Смотрим, через некоторое время летит его самолет и будто намеревается посадку сделать. Мы

подумали, что Рекст пленника с собою в машину взял, фуражками ему машем, даже полковник Штальбе – и тот из штаба вышел встречать победителя. А он как шарахнет по нас из пулемета...

Алексей еле сдерживал себя, чтобы не рассмеяться. Вебер строго покосился на него, укоризненно вздохнул:

– Да, нам тогда не до смеха было. Несколько летчиков, стервец, ранил и был таков. Все, конечно, растерялись от неожиданности. Пока сообразили, что к чему, а его уже и след пропал. Приехали наши на машине и труп Рекста привезли. Вот тебе и отличился... А с чего все это началось: этот русский летчик, когда мы возвращались с задания, увязался за нами. Пристроился и летит в хвосте. Мы даже внимания не обратили вначале. Усталые все, измученные были. Только зашли мы на посадку, он и срезал одного с хвоста. Рекст тем временем в зоне аэродрома патрулировал и решил проучить нахала. Вот и «проучил»... Жаль Рекста, хороший ас был. – Вебер тяжело вздохнул и, повернувшись к Алексею, спросил: – Вместе воевать будем?

– Стало быть, так, – ответил Алексей, загадочно улыбнувшись...

«Мы с тобой навоюем, дружок, будь здоров! И надо же такому случиться – снова к “своим” попал. Ну, теперь вы от меня не отделаетесь легким испугом, как в тот раз...»

Из землянки вышло несколько офицеров. В одном из них Алексей по голосу узнал Мюллера.

– Да ты знаешь, кто он такой – мой друг, Генрих? Это... Это... – Он подбирал слово: – Это феномен! Сам Китцингер ему руку жал. Вот как!

Глядя на светлеющий восток, зябко пожившись, Алексей сказал тихо:

– Неплохо было бы и поспать...

– Ты прав, пожалуй, – зевнул Вебер. – Эй вы, бездельники, по койкам, марш, – властно окликнул он, устало поднимаясь с земли.

7

Алексей проснулся поздно: был первый час дня. Он приоткрыл глаза.

Солнце пробивалось сквозь стекла низких окон, тускло освещая комнату. На улице кто-то играл на аккордеоне. Дог, лежа на тахте, подвывал в унисон. На соседней кровати спал Мюллер, с головой укутавшись в одеяло. Алексей поднялся, разминая затекшие плечи.

Аккордеон умолк, и в землянку вошел Вебер. Увидев поднявшегося с постели летчика, улыбнулся.

– Пойдем, умоешься.

Ловко схватив ведро с водой, Вебер направился к выходу. Алексей последовал за ним. Но не успел он дойти до двери, как дог, перескочив через стол, неожиданно налетел на него сзади, сбил с ног и, придавив грудью к полу, зажал шею. Оглянувшись, Отто с размаху плеснул на собаку водой. Дог отскочил в сторону.

– На место, Фок! – крикнул Вебер, помогая Алексею подняться. – Вот дрянь-собака! – сердился Вебер. – Это моя вина, что я не познакомил вас. Сейчас мы это дело поправим. – Вебер достал из чемодана несколько кусков сахара и передал их Алексею. Затем, сняв со стены хлыст, несколько раз ударил собаку.

(С этого дня капитан Шверинг каждое утро кормил Фока сахаром.)

Позавтракав, Алексей и Вебер приступили к изучению карты района действия части.

Алексей с жадностью рассматривал нанесенные на карту объекты. «Вот бы снять копию и передать нашим», – думал он. Но торопиться нельзя – один промах мог испортить все дело.

Обсудив штабные вопросы, офицеры отправились на аэродром ознакомиться с личным составом и боевой техникой. Расхаживая вдоль выстроившихся в две шеренги летчиков, Вебер представил им нового начальника штаба. В некоторых из них Алексей узнал вчерашних собутыльников.

Осматривая замаскированные самолеты, Алексей отметил, что во многих местах, на фюзеляжах и плоскостях, самолеты залатаны. Латки, которыми техники «зализывали» дыры пробоин, полученные в боях, были искусно покрашены под цвет маскировки, и все же от искусного глаза скрыть их было невозможно.

На одном из самолетов, где на фюзеляже у кабины красовались нарисованные карты – четыре туза, три из них были пробиты пулями, а у четвертого срезана почти вся верхняя часть. Вмятины и опалины виднелись почти на каждой машине.

Вебер чувствовал себя неловко: техника была изрядно потрепана. Алексей с деланным сочувствием покачал головой.

Возвратившись в землянку и сославшись на усталость, Алексей прилег отдохнуть, а Вебер пошел на аэродром готовить летчиков к выполнению боевого задания.

«С чего начинать эту опасную работу? – напряженно думал Алексей. – Прежде всего нужно сфотографировать карту и срочно связаться с нашими. Иначе такой важный документ останется бесполезным.

Обстановка на фронте сложная. Потерпев поражение под Сталинградом, гитлеровцы предпримут еще ряд попыток захватить Москву. Немецкое радио упорно твердит, что недалек тот час, когда германское командование устроит русским второй Сталинград. Ясно, что гитлеровское командование замышляет наступление».

Еще когда ехали на аэродром, Алексей обратил внимание на беспорядочное движение машин и техники в сторону фронта.

«Теперь, как никогда, нашим нужны сведения о расположении аэродромов врага».

Вспомнилась своя часть, командир эскадрильи майор Гордиенко, замполит Тюрин... Они, наверное, считают Алексея погибшим. А он сейчас так нуждается в хорошем совете своего человека! Но свои были далеко, советоваться не с кем.

Все решать нужно самому!

Воспользовавшись тем, что в землянке никого не было, Алексей разложил карту. Дверь он закрыл на крючок, но его беспокоило окно, и он то и дело поглядывал, не идет ли кто.

Раза два он спустил затвор фотоаппарата. Внезапно позвонил телефон.

Алексей вздрогнул. Снял трубку.

– Майора Вебера! – услышал он грубый голос.

– С кем имею честь говорить? – спросил Алексей.

– Полковник Штальбе.

Полковник приказал Алексею передать Веберу, чтобы тот немедленно явился к нему. Алексей повесил трубку и тут же услышал приближающиеся к землянке шаги. Он быстро отбросил дверной крючок и сел, словно углубившись в изучение карты района.

Оживленно обсуждая что-то, в землянку спустились Вебер, Мюллер, Курт и еще два офицера. Вебер подошел к столу, взял красный карандаш и, победоносно размахивая им, указал на квадрат 23–60.

– Так вот, – продолжал он начатый разговор, – когда русские бомбардировщики войдут в этот район, а это будет приблизительно в 17.40, мы неожиданно атакуем их из зоны сплошной облачности. Учтите, господа, что группа майора Шома свяжет боем сопровождающих русских истребителей, и мы легко справимся с бомбардировщиками.

Вебер говорил уверенно, словно успешный результат был уже обеспечен и все русские бомбардировщики застигнуты врасплох. Рассуждая, он делал на карте необходимые отметки.

– Ну, как операция? Какие будут замечания? – спросил Вебер.

– Операция разработана как нельзя лучше, – одобрил Курт.

Алексей тоже понял планы Вебера. Необходимо было действовать более активно.

– Майор Вебер, вас вызывал командир части, – доложил Алексей.

– Переснимите разведывательные данные на карты командиров, укажите маршруты и наземные ориентиры. Я вскоре вернусь. – Вебер передал Алексею данные разведки и поспешно вышел из землянки.

Командиры принялись обсуждать план операции. Алексей напряженно соображал, как сорвать ее. Переснимая с данных Вебера район действия группы, он вместо квадрата 23–60 нанес 28–60.

«Оставляю так!»

Переправив на разведанных Вебера тройку на восьмерку, Алексей облегченно вздохнул: «Только бы не заметили до вылета!»

Подготовив карты, Алексей роздал их командирам. Мюллер, наблюдая за ним, грустил. Ему, видно, не хотелось лететь. Он сосредоточенно думал о чем-то, невпопад улыбался, говорил не то, что хотел сказать. Изредка он бросал косые взгляды на Алексея, явно завидуя, что тот не летит на задание.

Раскрасневшийся, задыхаясь от быстрой ходьбы, вошел Вебер. Он стал рассказывать, что командование вполне одобрило его план и возлагает на него большие надежды. Побеседовав еще немного, летчики переоделись в комбинезоны и ушли.

Алексей детально ознакомился с расположением аэродрома, набросал его план. Оставалось уточнить кое-какие особенности, хорошо изучить схему постов и охрану. Как начальник штаба, он ежедневно будет получать пароль и отзыв. «И это может пригодиться», – твердил он про себя. Немцы завозили на аэродром много боеприпасов и горючего.

В ожидании вылета группы Вебера на боевое задание Алексей присел на спиленное дерево и стал подсчитывать прибывающие автомашины. Вот въехал огромный грузовик. Сол-

даты подтаскивали на лебедках длинные зеленые ящики с авиационными бомбами. В противоположной стороне, около бензосклада, разгружался заправщик. По подсчету Алексея это был уже десятый...

От штаба легкой походкой шел капитан Ганн, дежуривший по части.

– Генрих, тебе почта, – крикнул он и поднял руку с конвертами.

Алексей опешил. Но, быстро овладев собой, вскочил и, обняв капитана, стал кружиться с ним. Ганн хохотал.

– Ну и силища у тебя, Генрих, – вздохнул он, поправляя помятый мундир.

– Да ты представляешь, как я рад? Почти два месяца не получал ни строчки. Давай, не терзай душу.

– А что мне за это? – пошутил Фридрих.

– Дружба, – не задумываясь, ответил Алексей.

– За это спасибо, – Ганн крепко пожал ему руку и вручил письма. – Читай, я не буду тебе мешать.

Алексей снова присел на спиленное дерево и оглянулся. По дорожке неторопливо расхаживал Эргард Босс. «Неужели шпионит, – подумал Алексей. – Ну подожди, я доберусь до тебя, подлец. А теперь надо прочитать эти письма. Интересно, кто пишет капитану Шверингу?» – Алексей встал и неторопливо пошел к землянке.

В это время на стоянке взревели моторы. Самолеты начали выруливать на стартовую дорожку.

8

В землянке никого не было. Фок, настороженно подняв морду, щелкнул зубами. Алексей бросил ему кусок сахара и, усевшись поудобнее, принялся внимательно читать письма. Три письма были от супруги Шеринга, два от фронтовых приятелей, а одно – от какого-то барона.

Супруга Грета во всех письмах повторяла, что она очень обеспокоена его долгим молчанием, что каждую ночь ей снятся кошмарные сны и она очень тревожится, не случилось ли с мужем что-нибудь недоброе. Маленькая дочурка Эльза шлет любящий привет и ждет от него подарков.

Алексей улыбнулся: «Так вот почему в чемодане Шверинга оказалась кукла!»

Ниже супруга просила быть повнимательнее к ней и чаще отвечать на письма. Теперь Алексей знал, что у него есть дочка, что у его супруги нет родителей, а отец Шверинга страдает подагрой и поэтому ему трудно справляться с делами в имении, мать же очень беспокоится, здоров ли ее единственный сын.

Для памяти Алексей записал в блокнот свой домашний адрес и принялся за письма фронтовых друзей. Один из них писал, что был очень рад, когда узнал, что Генрих остался жив, описывал свои похождения и, наконец, сообщал, что, вероятно, вскоре им удастся встретиться. Второе письмо было примерно такого же содержания.

Наконец, дошла очередь и до письма барона. Алексей обратил внимание на три штампа, поставленных на конверте: один штамп местного эвакуопункта, второй – госпиталя воздушного корпуса «Рихтгофен» с отметкой: «Адресат выбыл в часть» и третий – той части, в которой он сейчас находился. Обратным адресом был указан г. Мюнхен, хотя мюнхенского штампа не было.

Алексей прочитал письмо:

«Господин Шверинг!

Мне не совсем удобно напоминать вам о такой мелочи, но, случайно узнав от профессора Корфа, что вы находитесь на излечении у него в госпитале, прошу возвратить мне переводом по почте долг в сумме 5000 марок, которые вы одолжили у меня, проигравшись в карты в нашей мюнхенской гостинице “Золотой рог”. Корф – мой близкий друг, вдобавок он в свою очередь ссудил мне деньги, и теперь я хотел бы расплатиться с ним.

С уважением к вам

барон Сальге».

Алексей возмутился.

«Нагленькое посланьице. Скажи на милость, оказывается, я проиграл в карты, да еще не малую сумму – 5000 марок. Но при чем же тут профессор Корф? Какая-то неумная затея! К тому же стоило ли этому барону Сальге приезжать из Мюнхена только для того, чтобы опустить письмо в эвакуопункте. Очевидно, кто-то хочет спровоцировать меня...»

В землянку вошел Фридрих Ганн. Алексей не взглянул в его сторону. Ганн обнял Алексея за плечи.

– Чем расстроен, Генрих? Что-нибудь дома?

Алексей испытующе посмотрел на Ганна.

– Фридрих, я здесь человек новый и мне не с кем поделиться своими заботами. Прошу твоего совета, – и он передал Ганну письмо барона. Тот внимательно прочитал и удивленно поднял тонкие брови.

– Что все это значит, Генрих?

Алексей в упор посмотрел на Ганна и вздохнул.

– Хотят подцепить меня на удочку... Не успел сюда прибыть, как уже появились завистники и враги.

Ганн нахмурил брови.

– И ты догадываешься, чьих рук это дело?

Алексей кивнул головой.

– Да за такие вещи... – Ганн возмущенно бросил письмо на стол. – Немедленно доложи командиру части и потребуй расследования.

– Если бы я точно знал...

Ганн настаивал:

– Раз проигрыш, о котором говорится в письме, лживо приписывается тебе... Кроме того, здесь указан обратный адрес барона Сальге. Не следует ли написать ему? А впрочем, может быть, такого барона и нет совсем. Надо выяснить все... Да и существование гостиницы «Золотой рог» тоже очень сомнительно. Я был как-то перед войной в Мюнхене и не припомню гостиницы с таким названием. Правда, может быть, совсем маленькая, где-нибудь на окраине... Генрих, я помогу тебе. Скажи только, кого ты подозреваешь в этой гнусной проделке?

– Эргарда Босса. Начальника штаба группы подполковника Шома.

– Босса? – удивился Ганн и, опустив голову, задумался: – Если Босс – ставленник Штальбе и Шома – окажется недостойным назначения, это будет сильным щелчком по носам этих высших командиров. Я буду этим очень доволен, – тихо проговорил Ганн.

– Почему? – удивился Алексей.

Ганн, несколько поколебавшись, зорко взглянул на Алексея.

– Видишь ли, меня обвиняют в вольнодумстве. Шом считает меня чуть ли не сторонником русских. Ну, к примеру, я отказываюсь при выполнении боевых заданий бомбить и обстреливать мирных жителей и все то, что не имеет отношения к военным объектам. Что бы против меня ни предприняли, я останусь при своем убеждении, – на лице Ганна отразилась непреклонная решимость. – Я солдат и честно выполняю свой долг, но я не детоубийца! А Босса, этого труса, мы быстро посадим на место.

Алексей крепко пожал протянутую руку капитана.

Тем временем группа майора Вебера, пронизав облачность, барражировала в квадрате 28–60.

Советские бомбардировщики разгрузились над железнодорожным узлом и легли на обратный курс. Группа Шома, как и было задумано, атаковала сопровождающих истребителей. Шом видел, как его асы, один за другим, выбывают из строя, а бомбардировщики русских безнаказанно уходят в сторону линии фронта.

«Где же Вебер? Почему он не завершает операцию?» – подумал он.

– Ягуар!.. Доннер веттер! Где ты, почему не выходишь на перехват, почему не выходишь на перехват?!

И тотчас же в микрофоны последовал ответ:

– Не вижу цели, не вижу цели!

Шом хотел выругать Вебера, но в этот миг два русских летчика атаковали его. Шом, яростно отбиваясь, решил вывести из боя свою изрядно потрепанную группу, но его машина, обстрелянная перекрестным огнем, штопором врезалась в землю. Шом не успел выпрыгнуть с парашютом.

Операция была сорвана...

После неудачного вылета на боевое задание все ходили подавленные и злые. Надо же такому случиться! Хорошо разработанная операция с треском провалилась из-за неверного указания квадрата боевых действий.

В приказе по части было указано полное несоответствие Вебера занимаемой должности. Теперь фон Штальбе с нетерпением ждал, когда поправится капитан Шверинг, чтобы поставить его во главе авиагруппы.

В землянке, где помещались командиры, больше не смеялись и не веселились... Майор Вебер непробудно пьянствовал и целыми днями спал, чтобы забыть позор.

У Алексея же, напротив, настроение было приподнятое. Он был доволен своей работой.

– Алло, – обратился он к собравшимся офицерам. – Чего носы повесили? Сколько можно справлять траур? На войне всякое бывает...

– А чего веселиться? По какому поводу? – пробурчал Курт.

– Ну, хотя бы потому, что завтра я справляю день своего рождения, – объявил Алексей.

Курт сразу развеселился, у него заблестели глаза. Вскочив, он стал потешно раскланиваться, протягивая Алексею руку:

– Поздравляю, поздравляю! Упустить такой случай было бы величайшим преступлением.

Единодушно было принято решение организовать пир. Курт озорно размышлял: «А что, если в виде сюрприза на вечер пригласить девушек? Это будет здорово! Придется взять на себя эту затею».

Он вспомнил русских девушек, которые приезжали под комендантским конвоем убирать помещение штаба. Особенно понравилась Курту румяная девушка со вздернутым носом и печальными глазами. Она куталась в старенький шелковый платок... На широком, скуластом лице Курта разлилась улыбка. «Да, затея недурная. Надо действовать. Вместе с комендантом Шмольтке мы все это уладим. В крайнем случае, подарю ему часы...»

Курт расстегнул куртку и нащупал связку часов. С этой связкой Курт никогда не расставался. Да, времена круто изменились. Раньше офицеры могли на досуге гулять в ближайших деревнях, пьянствовать и развлекаться, шарить по укромным уголкам, брать все, что понравится, и отправлять домой в Германию. Но после того как на один из офицерских балов сделали налет партизаны, летчикам строго-настрого запретили удаляться из расположения части.

«Не вмешайся в тот раз находившийся поблизости карательный отряд, вряд ли кто-нибудь из офицеров выбрался бы живьем из села, – думал Курт, невольно дотрагиваясь до глубокого шрама на голове. – Но на территории аэродрома не грозит никакая опасность. Здесь можно развлекаться, сколько угодно. Охрана надежная!»

– Курт, ты что задумался? – чуть ли не в самое ухо крикнул Мюллер. – Право же, голова служит ненужным придатком к твоему могучему туловищу... Буди скорее Вебера, а то он прокиснет от сна.

Курт глянул на Мюллера, потом взял Вебера за плечи и сильно тряхнул. Тот, выслушав предложение отпраздновать день рождения Шверинга, обвел всех мутным, сонным взглядом и, махнув рукой, буркнул:

– Ладно, – и снова захрапел.

Девушки, уставшие и голодные, не обращая внимания на проходивших, мыли полы в коридоре штаба. Одна Фроська не унывала. Она подмигивала офицерам, шутила, зло посмеивалась.

Фроська – единственная дочь бывшего мельника Пашки Кривого. С приходом немцев отец ее вернулся в деревню, открыл лавку и торговал награбленным колхозным добром. Фроська же сама вызвалась мыть полы и стирать белье немцам. Теперь она командовала целой бригадой девушек, которых комендант Шмольтке мобилизовал на работу.

Многие из девушек, когда пришли немцы, ушли в лес, пытаясь связаться с партизанами, но не нашли их в дремучих брянских лесах и вернулись в село.

– Ну что, изголодались? Накормили вас партизаны? – издевалась над ними Фроська. – Давно бы надо было пристать ко мне. Дуры! Все равно ведь... Немцы говорят – Красной Армии

капут. А партизан они переловят и всех перевешают. Слушайте меня, и все будет отлично, а будете увилить от работы – расскажу немцам, что к партизанам хотели уйти.

Теперь Фроська обнаглела совсем и изображала из себя командира:

– Наташка! – покрикивала она. – Неча лодыря корчить! Пошевеливайсь!

Но у девушки, к которой обращалась Фроська, от усталости, видимо, кружилась голова. Она выпрямилась, прислонилась к стене. Проходивший мимо офицер, поравнявшись, нахально подмигнул ей, оскалив большой рот с черными усиками на верхней губе. Он подошел к Фроське, щелкнул ее стеклом по спине. Та, притворно вскрикнув, заулыбалась и зашептала ему о чем-то на ухо. Она то и дело косилась на Наташу, смеялась и снова тянулась к уху офицера.

«Что она задумала?» – встревожилась Наташа, услышав в их разговоре свое имя.

В дверях показался комендант Шмольтке.

– Ну, ты, работать немедленно, – крикнул он Фроське. – Нечего лясы точить! – комендант похабно выругался. Шмольтке плохо знал русский язык, но ругаться любил по-русски.

Наташа долго не могла успокоиться. Когда приехали в деревню, Фроська предупредила девушек, чтобы завтра они принарядились, так как поедут на вечеринку к знаменитому летчику. Она не забыла пообещать богатые подарки, если девчата будут вести себя хорошо и офицеры останутся ими довольны.

Она смеялась и, подмигивая девчатам, подзадоривала Наташу...

Наутро, когда девушки зашли к Наташе, они увидели ее непривычно веселой, с яркими лентами в косах.

– Принарядилась девка, – прыснула Фроська. – Видать, не хочет себя дешево продать!

9

Алексей, как начальник штаба, часто оставался в землянке один, и ему удалось сфотографировать схему аэродрома с расположением объектов и постов.

Сегодня он усиленно готовился к своим именинам.

Наливая в две пустые бутылки из-под коньяка воду, разбавленную соком варенья, Алексей готовил себе «коньяк». Одну бутылку он приготовил особо: крепчайший коньяк он долил наполовину чистым, неразведенным спиртом и, размяв, всыпал туда несколько таблеток хинина. Затем, добавив в приготовленную смесь красного толченого перца, Алексей запечатал бутылки и спрятал их в чемодан.

Все это видел только Фок. Но Фок не умел говорить.

10

Алексей возвращался от полковника Штальбе, у которого разбирались причины провала задания группы Вебера. В беседе полковник задал Алексею несколько странных вопросов. «Неужели в чем-то заподозрили? Или это просто перестраховка полковника?» – думал летчик, вспоминая подробности разговора.

Взять, к примеру, такой вопрос: «Что вам известно о приказе генерала Китцингера?» А когда Алексей спросил, о каком приказе идет речь, полковник улыбнулся и ничего не ответил. Или – упоминание о Корфе. Оно как-то перекликается с содержанием письма барона Сальге...

Размышляя, Алексей подошел к офицерской закуской, разместившейся под брезентовым навесом. Здесь всегда можно на ходу перекусить, выпить кружку пива. Почувствовав на себе чей-то взгляд, Алексей оглянулся: за круглым столом сидел лишь один офицер. Он быстро отпустил голову, но Алексей узнал в нем обер-лейтенанта Эргарда Босса.

Круто повернувшись, Алексей направился в закускую, сел против Босса, заказал закуску. Обер-лейтенант растерялся и, оставив недопитое пиво, встал из-за стола.

Алексей посмотрел на него в упор.

– Здравствуйте, Босс!

Босс вздрогнул и недоуменно поднял брови.

– Я вас не знаю, господин капитан, и не желаю знать, – ответил он, намереваясь уйти.

Но Алексей взял его за руку и рывком усадил на место.

– Поздно, Эргард Босс. Об этом вам следовало подумать гораздо раньше.

– Откуда вы меня знаете?

– Это не имеет значения, – ответил Алексей, наливая в стопки коньяк. – Сегодня день моего рождения, и, вспомнив вас, моего старого друга, мне захотелось, чтобы вы выпили за меня, – Алексей подал Боссу стопку.

Босс помедлил, затем нерешительно взял ее.

– Здесь какая-то странная ошибка, – заговорил он, – я вас не знаю, вы никогда не были моим другом... А впрочем, – подумав, добавил он, – желаю вам всякого добра, – и он выпил.

Алексей налил еще.

– Вы знаете, – сказал он, – я, должно быть, не чужд сентиментальности: мне всегда жалко мелких людей, опрометчиво взявшихся за такие дела, которые не могут не раздавить их насмерть. Не кажется ли вам, что вы очутились именно в таком положении?

Алексей достал сигарету и не спеша прикурил. Босс напряженно выжидал.

– Я никак не пойму, о чем вы говорите, – Босс с опаской поглядел на собеседника.

– Помните, в госпитале вы сказали мне: «Еще пожалеете». Как видите, сегодня у меня появилось желание пожалеть вас. Пока что на вас падают мелкие камушки, но боюсь, что завтра, милейший, вас придавит большая глыба.

Босс вскочил.

– Что вы от меня хотите? – истерично крикнул он.

Алексей опять властно посадил его на стул.

– Я хочу от вас, обер-лейтенант, того же, чего и вы хотели от меня. Ваша игра с треском провалилась. Вы очень неудачливый, жалкий игрок. К тому же – подлец и трус.

Босс втянул голову в плечи, будто ожидая удара:

– Я ничего не знаю, господин капитан. Вы по ошибке принимаете меня за кого-то другого.

Алексей с досадой отодвинул массивную пепельницу.

– Хватит притворяться!

Босс побледнел, нижняя челюсть его затряслась.

– Вы не пытайтесь меня запугать, Шверинг. У меня против вас имеются гораздо более веские улики. Ваше преступление...

– Вымышленные вами против меня улики, – перебил его Алексей, – и являются той скалой, которая неминуемо раздавит вас... Ну, что же! Только не просите пощады. Я считал вас более смышленным.

Капитан поднялся и, смерив Босса презрительным взглядом, направился к выходу.

– Одну минутку, – остановил его Босс. – Я надеюсь, – заискивая, заговорил он, – что этот разговор останется между нами.

– Не волнуйтесь, – спокойно ответил Алексей, – дальше того, кто послал вас сюда, дело не пойдет, это ведь не в его интересах. Да, кстати, возьмите письмо своего тестя барона Сальге и уплатите долг. Я, понимаете, не намерен погашать ваши долги.

Босс оглянулся по сторонам, – не слышал ли кто их разговора, – и, схватив Алексея за рукав, зашептал:

– Здесь не место для объяснений, господин капитан. Выйдем отсюда.

Смерив его презрительным взглядом, Алексей медленно пошел в лес. Босс шел рядом:

– Нам необходимо немедленно и начистоту объясниться, – сказал, наконец, он. – Во-первых, откуда вам все это известно...

– Я не намерен вам докладывать, обер-лейтенант, – снова перебил его Алексей. – Источники у нас с вами одни и те же. Напоминаю лишь о том, что ваши действия направлены против вас же. Если вы не прекратите начатую вами игру краплеными картами, я не ручаюсь за то, что не увижу вас в чине солдата.

– Ну, тогда знайте: я собственными глазами видел, как вы стреляли в Корфа, – вызывающе сказал Босс.

Алексей рассмеялся.

– Напоминаю, полупочтенный, что вы слишком мелкая пешка, чтобы с вами кто-либо считался. Вас просто сбросят щелчком с шахматной доски.

Алексей небрежно козырнул и направился к землянке.

Босс, остолбенев, остался на месте.

«Вот это влип, – растерянно думал он. – Шверингу все известно. У него, видимо, связи с генералом Китцингером. Что делать?..»

– Ну как? – спросил Алексея Ганн, когда тот появился в землянке.

– Все в норме... Спасибо, Ганн, что помог мне установить, кем доводится Боссу барон Сальге.

– Ты излишне мягок, – сказал Ганн. – Следовало бы доложить командованию о таком мерзком поступке Босса.

– Будешь у меня на именинах? – неожиданно переменял разговор Алексей.

– Обязательно... Только ты извини заранее, кроме сельтерской, ничего пить не буду. Да и ты ведь, думается мне, будешь пить с ними для того, чтобы не ломать компанию... Знаешь что, держись осторожней с Вебером. Говорят, в последнее время он стал дружить с Боссом...

11

Вечером командовал Курт. Он хлопотал у стола, по-хозяйски расставлял посуду и закуски. Алексей был огорчен: рушился его план связаться с партизанами и передать схему аэродрома; в селе побывать не придется, а здесь возможностей – никаких...

Постепенно собирались приглашенные на именины офицеры, поздравляли Шверинга, подносили ему кой-какие подарки. Когда подняли бокалы, Вебер произнес тост за новорожденного.

Алексей пил воду, подкрашенную под цвет коньяка. После первых бокалов разговоры стали оживленнее. Курт потянулся было к бутылке Алексея, намереваясь попробовать изысканный коньяк, который предпочитает Шверинг, но Алексей пододвинул ему бутылку с заранее приготовленной смесью. Хотя Курт и был стажированным пьяницей, но, выпив «горючую смесь» Алексея, поспешно схватил со стола банку с сардинами и, задыхаясь, стал торопливо закусывать. Слезы выступили у него на глазах, лицо побагровело. Офицеры от смеха хватались за животы.

– Вот это коньячок, – прожеывая сардины, с трудом выдохнул Курт. – Держу пари, что сам дьявол отказался бы пить этакий.

А друзья потешались над ним. Все знали его слабинку изрядно выпить и при случае поволочиться за женщинами, но уважали его как боевого, смелого и находчивого аса.

За окном послышался приближающийся гул автомашины.

– Ба, совсем забыл! – крикнул Курт. – Господа офицеры, я устроил для вас маленький сюрприз.

Он выскочил из землянки и тут же вернулся. За ним, пугливо озираясь, входили девушки. Замыкал шествие комендант Шмольтке. «Этого еще не хватало», – подумал Алексей, наливая бокал. Мюллер, придвинувшись к нему, захихикал на ухо:

– Ну и Курт, вот молодчина! Он понимает толк не только в водке, но и... ха-ха-ха... в ананасах!

– Разрешите, господа, – гаркнул комендант Шмольтке, – выпить за именинника и откланяться! Рад бы посидеть, да служба... – Он схватил чей-то наполненный стакан, выпил и, не закусывая, вышел.

Офицеры покинули свои места, подошли к девушкам.

«И откуда только набрали таких... – думал Алексей, разглядывая прибывших. – Впрочем, в семье не без урода».

Курт подошел к сероглазой девушке с лентами в косах, взял ее за руку.

– Господа, – закричал он. – Эта девушка будет сидеть с именинником. Пусть это будет ему подарок.

Наташа испуганно смотрела на захмелевших офицеров, стараясь угадать именинника. Вот ее взгляд встретился с глазами Алексея. Она хотела вырваться из цепких рук Курта, но тот потянул ее к столу и резко посадил рядом с Шверингом.

– Не бойтесь, русский барышень, – наклонился он к растерявшейся девушке, – мы есть культурный офицер и безобразить никому не позволим, – он подмигнул сидевшим.

Все захохотали. Смущенная Наташа опустила глаза.

Алексей налил ей рюмку из своей бутылки.

– Как вас зовут? – услышала она сквозь смех голос именинника. – Не стесняйтесь, Наташа, будьте как дома. Так, кажется, у вас говорят?.. Давайте выпьем за ваше здоровье.

Наташа отрицательно качнула головой. Алексей сочувственно смотрел на девушку, и у него сразу возник план. Он сильно стиснул ее руку, прошептал властно:

– Пей до дна! Ясно?

Наташа выдернула руку, схватила рюмку и залпом осушила ее под рукоплескания присутствующих. Курт, зная, какую ужасающую дрянь пьет Шверинг, от удовольствия даже рот раскрыл.

Наташа, удивленная, что выпитый ею напиток оказался совсем не хмельным, растерянно осмотрелась по сторонам.

Алексей наступил ей на ногу и тотчас поднес закуску. Передернувшись от боли, девушка наклонилась к столу; слезы выступили на глазах. Все рассмеялись, а громче всех – Курт.

– Ничего, – кричал он, – со мной хуже было! Это есть чертова настойка – гениальное изобретение капитана Шверинга.

Одни пили коньяк, другие рассказывали были и небылицы, третьи развлекались с девушками. После нескольких тостов комната наполнилась шумом, смехом, звоном бокалов.

Поведение именинника казалось Наташе загадочным. Зачем он дал ей выпить приятной на вкус воды, а потом так больно наступил на ногу? Может быть, вода с чем-нибудь смешана? Но никакого опьянения она не чувствовала. Глядя искоса на толстый планшет, висевший на боку капитана, Наташа вспомнила, что летчики несколько раз называли Шверинга начальником штаба.

«Интересно, что хранится в этом планшете?» – подумала девушка.

Немного осмелев, Наташа решила спойть обходительного именинника. В глазах ее появились задорные огоньки. Она схватила бутылку с приятным напитком, наполнила свою рюмку, а из другой налила капитану и предложила тост за его здоровье.

Алексей внимательно наблюдал за Наташей. В ответ на ее тост он кисло улыбнулся, вежливо чокнулся, подумал: «Попался на собственную удочку», – и выпил приготовленную самим же смесь.

«Только бы не охмелеть», – подумал он и принялся закусывать.

А с улицы, через щелку в занавешенном окне, наблюдал за ним обер-лейтенант Босс. Он так увлекся подсматриванием, что не расслышал, как сзади к нему подошел капитан Ганн.

– Что вам угодно здесь? – спросил он грубо. – Как вам не стыдно подглядывать?

Босс отскочил от окна и быстро удалился.

– Подлец! – прошептал сквозь стиснутые зубы Ганн. – Ищейка!

Из землянки доносились возбужденные голоса.

– Музыка, музыку! – слышались выкрики Мюллера.

Веберу передали аккордеон, и он, с трудом перебирая лады, стал наигрывать русскую плясовую. Фроська приподняла сарафан и, притоптывая, пустилась в пляс.

Алексей притворился сильно опьяневшим. Наташа позвала его выйти на воздух. Покачиваясь, он шел за ней, затем рухнул на траву, бормоча что-то несвязное.

Убедившись, что летчик окончательно пьян, девушка сказала насмешливо:

– Что ж это ты, приятель, и шагу шагнуть не можешь? Тоже мне, жених!

Где-то близко послышался приглушенный смешок Фроськи.

Медлить было нельзя. Дрожащими руками Наташа раскрыла планшет и, вынув какие-то бумаги, спрятала их за пазуху. «Теперь бежать», – мелькнула мысль. Она еще раз оглянулась и в ужасе присела на траву: именинник навел на нее пистолет. «Все! Попалась! Сейчас поднимется тревога, схватят. Зря Вася отговорил взять пистолет», – пронеслось в голове.

Но летчик не поднимал тревоги, не стрелял. Он встал, вложил пистолет в кобуру и твердым шагом подошел к ней, взял за руку. Наташа не устояла и, покачнувшись, очутилась в его объятиях.

– Пусти! – крикнула она, задыхаясь. В стороне снова сдержанно засмеялись. Алексей отпустил Наташу и тихо, но твердо сказал по-русски:

– Плохо работаете, Наташа... Верните карты.

Наташа окончательно растерялась, но карты вернула.

– Вот, возьми это! – сказал Алексей и передал ей самодельный конверт. – Если попадешься, сейчас же вскрой, там не проявленная пленка.

Он повернулся и пошел, снова покачиваясь как пьяный. Немного спустя, послышался его голос на чистом немецком языке:

– Курт, Куу-урт! Куда ты, черт рыжий, делся?.. Где наша землянка? Ничего не разберу...

Если бы не конверт, который Наташа крепко держала в руке, она подумала бы, что все происшедшее ей приснилось. Холодный пот струйками сбегал по ее лицу. Вытирая пот платком, она присела на траву. По вершинам деревьев пробежала полоса зарницы. Близился рассвет...

Понадежнее спрятав конверт, Наташа быстро пошла через кусты к выходу с аэродрома.

А Алексей, выйдя на опушку, присел около пня. Кругом была тишина. Только изредка то там, то здесь раздавался пьяный смешок или испуганный девичий вскрик.

Где-то в глубине души зародилась искорка сомнения: «А что, если эта милая на вид девушка подослана гестаповцами?»

Пошарив рукой дерн около пня, Алексей спрятал маленькую портативную лейку, по наследству перешедшую к нему из личных вещей Генриха Шверинга. Эту лейку он раньше никому не показывал. Подумав, он положил в тот же тайник все копии с оперативной карты. Убедившись, что кругом тихо и что за ним никто не следит, Алексей поднялся, пошел к землянке, пошатываясь и спотыкаясь, словно пьяный.

12

Мучительно долго тянулся остаток ночи. Алексей несколько раз вставал и выходил на улицу. В расположении было по-прежнему тихо, лишь изредка слышались крики ночных птиц да где-то в стороне, бряцая оружием и тяжело ступая коваными сапогами, ходил ночной патруль...

Шли дни, а Наташи все нет и нет. Каждое утро Алексей заходил в штаб, но среди девушек ее не было.

«Неужели попалась?» – думал он.

– Скучаете, господин капитан? – окликнула как-то Фроська. – Хи-хи-хи...

– Что с ней? – спросил Алексей на ломаном русском языке.

– А ничего, – засмеялась Фроська, – очухалась! Завтра выйдет на работу.

Алексей облегченно вздохнул. «Молодец! Хорошо придумала, – одобрил он действия Наташи. Стало легче на душе. – Если Наташа передаст пленку, если удастся связаться с партизанами, начнется настоящая работа!» – Он улыбнулся своим мыслям, а глядевшая на него Фроська снова захихикала.

Прошли еще сутки. Прогуливаясь около штаба, Алексей нетерпеливо ожидал машину с девушками. Чтобы убить время и не вызвать подозрений, он останавливал знакомых офицеров, подолгу болтал с ними о разных пустяках. Встретился и Эргард Босс. Он сдержанно поприветствовал Шверинга и скрылся в кустах.

Наконец, долгожданная машина подкатила к штабу. Наташа, мельком взглянув на капитана, подхватив ведро, пошла вслед за Фроськой.

Алексей размышлял, как передать пленку Наташе. У штаба больше стоять нельзя. Он зашел по служебным делам в оперативный отдел, заглянул в секретную часть – нет ли новых приказов – и снова очутился на улице. Наташа с полным ведром грязной воды медленно шла к мусорной яме. На ходу она оглянулась.

«Что же ты стоишь? Иди за мной», – говорили ее глаза.

Алексей подошел к мусорной яме.

Девушка стояла у дерева и нервно обрывала лепестки белой рюмашки.

– Любит, любит! – улыбаясь, сказал Алексей. – Такую девушку, как вы, нельзя не любить.

Наташа отбросила цветок и настороженно посмотрела на Алексея большими серыми глазами.

– Кто вы? – тихо спросила она. – Я чувствую, что вы не тот, за кого вас все считают...

Алексей улыбнулся.

– Я не спрашиваю, кто вы и кто послал вас, – так же тихо ответил он. – Давайте и впредь так. Не будем терять времени... Поручения есть?

Наташа молча выплеснула грязную воду, с трудом вытащила из ведра диск, расцепила его надвое и протянула Алексею.

– Спрячьте!

Алексей торопливо открыл планшет, спрятал диск. Затем достал из кармана черный конверт и, приблизившись вплотную к Наташе, сказал:

– Помните то же: если будет неминуемая опасность – вскройте.

Наташа вздохнула и, опустив отяжелевшие от бессонных ночей веки, спрятала конверт на груди под блузку.

– Я передала вам две магнитные мины с часовыми механизмами. Помеченная белой краской поставлена на взрыв в 23.00. Вторая – на завтра в 11.00. Подложите куда представится возможность. Желательно взорвать бомбосклад или бензохранилище...

Только теперь Алексей заметил, как устала Наташа. Лицо ее было бледно, под глазами синеватые полудужья. Алексея охватила жалость.

– Спасибо, милая девушка. Родина вас не забудет, – с жаром сказал он. Затем, вытащив из кармана белый конверт, Алексей с поклоном передал ей. – Это лично вам!

И не успела Наташа ответить, как он поцеловал ее в щеку.

Гневный румянец залил ее лицо. И Босс, наблюдавший из-за дерева, увидел, как девушка дала пощечину капитану Шверингу.

– Натка! В помойке что ли утонула? – послышался грубый голос Фроськи: – Иди быстрее сюда! Вот дрянь девка! Так и отлынивает от работы. Ужо я тебя проучу...

Наташа убежала, а Алексей, потирая щеку, зашагал к землянке.

И снова Босс попался ему навстречу.

«Неужели он за мной следит? – думал Алексей. – Мало проучил. Ну погоди, придет время – рассчитаюсь».

В окно хлестал дождь. Летчики по предложению Курта ушли играть в карты в землянку погибшего подполковника Шома. Противник карточной игры Фридрих Ганн ушел к приятелю, и только Алексей, сославшись на головную боль, лежал в кровати.

К нему подошел Фок, заскулил. Алексей, порывшись в чемодане, достал сахар. Фок благодарно лизнул его в щеку и лег у порога. Алексей бросил ему еще кусок сахара и выглянул из землянки.

В темноте под дождем шумели листья деревьев.

«Надо идти! Время не ждет», – подумал он.

Набросив клеенчатый плащ, Алексей вышел. Минут через десять он с трудом добрался до склада боеприпасов. Большую полянку окружали многолетние сосны, вплотную подступали к штабелям ящиков кусты орешника.

Алексей подождал, высматривая часового. Вот уже слышны его приближающиеся шаги. Часовой остановился совсем рядом. «Прислушивается», – Алексей затаил дыхание. Наконец, часовой снова пошел в обход, что-то мурлыча себе под нос. Когда чавканье его сапог совсем стихло, Алексей подошел к накрытым брезентом ящикам.

Откинув край брезента, он быстро вскарабкался на штабель и увидел за ним стоявшие рядами тяжелые фугасные бомбы. Алексей подобрался к ближайшей из них, сквозь щель в таре нащупал взрыватель и приложил к нему магнитную мину. Цепляясь за выступы ящиков, он осторожно, почти бесшумно стал спускаться вниз. И вдруг услышал испуганный окрик:

– Хальт!

Оглядевшись, Алексей увидел внизу, правее себя, часового с автоматом. Раздумывать было некогда. Алексей камнем упал на часового, сшиб его с ног и со всей силы вонзил кортик по рукоятку в шею часового. Затем, затащив труп в кусты, вернулся к штабелю и опустил край брезента. Прислушался. Вокруг было тихо. Только по-прежнему шумел дождь и тревожно стучало сердце. «Взорвется или не взорвется?» – успел подумать Алексей, но тут же другая мысль поторопила его покинуть это место.

Запыхавшись от бега, Алексей остановился недалеко от входа в землянку. Он взглянул на светящийся циферблат часов. «Если взрыва не произойдет, через двадцать минут смена караульных обнаружит убитого часового, вызовут ищейку...»

До слуха донеслась какая-то возня, выкрики. Алексей стремительно вбежал в землянку. Мюллер, тяжело дыша, размазывал по лицу пот, смешанный с кровью, струившейся из носа. На полу, у его ног, лежал связанный ремнем Эргард Босс и отчаянно ругался. Привязанный к койке Фок, злобно рыча, тянулся в сторону Босса. Посреди землянки стоял раскрытый чемодан Шверинга, вещи в беспорядке были разложены на полу.

– Что здесь происходит? – начальственным тоном спросил Алексей.

Мюллер торопливо рассказал, что, проигравшись в карты, он вернулся в землянку, чтобы занять у Шверинга денег, и увидел разбросанные вещи и визжавшего под собакой Босса.

– Хорошо, что в землянке оставался Фок, а то бы этот проходимец ограбил всех нас. Если бы я не привязал Фока к койке, он загрыз бы этого негодяя, – закончил Мюллер.

Алексей подошел к Боссу и, схватив за воротник, поднял на ноги. Ему-то было ясно, что искал в его чемодане Босс. Обер-лейтенант, весь в пыли, с разорванной штаниной, съежился и испуганно глядел на разъяренного Шверинга.

– Вы что ж, забыли о нашем разговоре, милейший? – строго спросил Алексей.

Босс молчал.

В землянку вошел Ганн. Мюллер рассказал ему о происшедшем, щедро сопровождая свой рассказ увесистыми затрещинами Боссу.

Ганн и Мюллер повели его в штаб, чтобы доложить о случившемся полковнику Штальбе.

Оставшись один, Алексей снял плащ и только теперь заметил, что рука его в крови.

«Не заметил ли этого Босс?» – с тревогой подумал он.

Полковник Штальбе, задумавшись, сидел в своем кабинете. Сегодня звонил генерал Китцингер и предупредил о возможной перебазировке в новый район. Штальбе знал, что в армии со дня на день ждут приказ фюрера о всеобщем наступлении на участке Орел – Курск, но перебазирование его части было неприятной новостью. Нужно срочно укрепить авиагруппы хорошими командирами, а до сих пор еще никого не прислали на место погибшего подполковника Шома. Пора бы заменить и Вебера.

«Завтра же дадим Шверингу провозные или выпустим в самостоятельный полет!» – решил Штальбе. Он взглянул на ручные часы. Стрелка приближалась к одиннадцати. «Пора спать», – подумал полковник и устало поднялся из кресла. В это время зазвонил телефон. Штальбе лениво снял трубку, и, услышав начальствующий голос генерала Китцингера, выпрямился.

Китцингер сообщил, что направляет пополнение в полк Штальбе летчиками и машинами, одобрил замену Вебера Шверингом и поинтересовался здоровьем капитана. Штальбе не успел ответить: раздался оглушительный взрыв, со звоном вылетели из окон стекла. «Бомбят», – мелькнуло в его сознании. Он бросил телефонную трубку и, выскочив из штаба, заметался в поисках щели.

Зарево пожара, частые взрывы и шелестящие с завыванием звуки осколков бомб довели его до отчаяния. Наконец, Штальбе остуился в какую-то грязь. Это несколько отвлекло его от ужасной бомбежки.

Штальбе так и не понял, что взрыв произошел на складе боеприпасов... Обер-лейтенант Босс, воспользовавшись суматохой, вызванной взрывом, сбежал от Мюллера и Ганна. Им тоже было не до него.

...Сопровождаемые взрывом вспышки пламени озаряли низко плывущие тучи.

13

Командир партизанского отряда Тихон Спиридонович Воронков и комиссар отряда Рогов молча курили в землянке штаба.

Первым нарушил молчание Тихон Спиридонович.

– Как по-твоему, что за птица этот странный немецкий летчик?

Рогов, сдвинув на затылок кепку, сказал:

– Надо бы запросить центр. Может, их человек там орудует, особое задание выполняет...

– Да, пожалуй, надо запросить, – согласился Тихон Спиридонович. – Займись этим, а я пройду к передовым дозорам... Что-то долго нет Василия.

Тихон Спиридонович и Рогов вышли из землянки. Было темно. Дождь, видно, зарядил на всю ночь.

Рогов тронул за рукав командира.

– Что еще, Владимир Карпович? – спросил Воронков.

– Понимаю, что тяжело тебе, Тихон Спиридонович, – заговорил Рогов. – Родная дочь жизнью своей на каждом шагу рискует. Не хотелось мне огорчать тебя, но кажется мне все это провокацией. Не верю я в добродетельность фашистского летчика. И так прикину, и этак... Взять хотя бы эту фотопленку... Слов нет, документ большой важности, но в точности его я сомневаюсь.

– Не говори, Карпович. Сам я себе места не нахожу... Если это подстроено – Наташа погибла...

Тихон Спиридонович медленно пошел на просеку, но через несколько шагов остановился.

– Смотри, Карпович, зарево какое, – окликнул он Рогова.

Но голос его заглушил необычной силы взрыв.

14

К утру дождь перестал. Вебер увел Фока на прогулку. В землянке было тихо, лишь изредка всхрапывал Курт да назойливо жужжала в окне муха.

Алексей лежал с открытыми глазами. Сознание, что он честно выполнил задание борющегося народа, подымало дух. Но что стало с Наташей? Где она сейчас? Тревожно ли спит или пробирается тайными тропами к партизанам с очередным пакетом? Только бы не попалась...

Скрипнула дверь. Кто-то потряс Шверинга за плечо. Алексей оглянулся и увидел двух эсэсовцев в черных мундирах с белыми черепами на рукавах.

– Капитан Шверинг, следуйте за нами, – сказал один из них и кивнул на выход.

Алексей медленно встал, оделся. Затем вытащил из-под подушки планшет. «Вот и конец, – подумал он. – Куда ж девать вторую мину?.. – Мозг тревожно работал. – Спокойствие, Алексей, спокойствие. Держись до конца». Придав своему лицу выражение крайнего удивления, он направился к выходу. «Может, удастся планшет выбросить в кусты... Где же я промахнулся?»

Освободиться от планшета Алексею не удалось.

В кабинете полковника Штальбе сидели генерал Китцингер, Вебер и обер-лейтенант Босс. Гауптштурмфюрер Гетц беседовал с полковником Штальбе.

Увидев вошедшего Алексея, Гетц смерил его с ног до головы острым пронизательным взглядом и, отложив в сторону папку, туго набитую какими-то бумагами, предложил сесть. Затем приказал эсэсовцам привести арестованную.

– Господин капитан, – обратился Гетц к Алексею, – вы обязаны говорить только правду. Учтите, что нам многое уже известно.

Дверь распахнулась, и в комнату втащили девушку в изорванном и окровавленном платье. Голова ее безжизненно свисала на грудь, лицо в ссадинах и синяках. У Алексея больно сжалось сердце.

В девушке он узнал Наташу – узнал больше по этому полосатенькому платьицу и по ленточкам в косе, чем по изуродованному лицу.

– Капитан Шверинг, вам знакома эта девчонка? – спросил Гетц.

Алексей смотрел на Наташу, словно впервые видел ее, затем утвердительно кивнул головой.

– А ви не знаком с этот офицер? – крикнул Гетц, коверкая русские слова. Эсэсовец схватил Наташу за волосы, рывком вскинул голову.

Глаза девушки горели ненавистью. Но вот в них вспыхнул живой огонек, и Алексею показалось, что он прочитал в этих больших серых глазах: «Держись! Я ничего не сказала».

Алексей внешне спокойно посмотрел на Гетца, выдержал его колючий взгляд. Наташа устало закрыла набухшие веки. Голова ее чуть дрогнула. Она молчала.

– Отказываешься отвечать? – зло крикнул Гетц. – Нишего, у меня запоешь, не только заговоришь. Привести другую.

Ввели Фроську. Она, испуганно озираясь по сторонам, попятилась к стене.

– Вы ее знаете, этот Наташка? – обратился к ней Гетц.

– Как не знать, господин офицер. Комсомолка! Отец ее колхозным бригадиром до войны работал, партийный, бежал с красными. А я ее, дуру, пожалела... Ведь с голоду подыхала...

Гетц вскочил из-за стола, медленно подошел к Фроське и неожиданно ударил ее по лицу.

– Сволош! Что же ты раньше молчал?

Фроська, взвизгнув, закрыла лицо руками; Китцингер недовольно скривил рот.

Гетц сел на место, сказал:

– Расскажите, капитан Шверинг, о ваших связях с этой Наташкой. И что передала она вам при встрече у мусорной ямы?

Алексей мельком взглянул на торжествующего Босса.

– У меня с ней не было связей, господин гауптштурмфюрер. А у мусорной ямы я получил от нее... пощечину.

Китцингер, подтолкнув Штальбе, засмеялся. Тот недоумевающе передернул плечами.

– Это нам известно, – язвительно улыбнулся Гетц. – А кроме этого?

– Ничего.

– А вы что передали ей помимо этой открытки?

Гетц протянул цветную открытку. На ней был изображен амур, стреляющий из лука в обнявшуюся пару.

Алексей сказал твердо:

– Я передал ей только открытку, господин гауптштурмфюрер. Но ведь в этом нет ничего плохого.

Китцингер недовольно заерзал в кресле, все переглянулись. Босс с яростью вскочил с места, но генерал сурово взглянул на него и тот сразу же сел.

– Увезите этих в гестапо, – приказал Гетц дежурному офицеру. – Протокол допроса представить мне к 12 часам.

Наташа, преодолевая боль, в последний раз взглянула на Алексея: «Спасибо, родной!» – говорил ее взгляд.

Ее увели.

Гетц, побарабанив по столу пальцами, строго сказал Алексею:

– Эта девчонка, с которой вы, капитан Шверинг, знакомы, – партизанка. Ее арестовали сегодня ночью. Она в своем доме прятала партизан после взрыва склада. – И, обращаясь к Китцингеру, добавил: – Господин генерал, разрешите продолжить следствие? Мне офицеры пока не нужны.

Гетц вышел в сопровождении эсэсовцев.

Генерал Китцингер прошелся по комнате, строго посмотрел на Босса и обратился к Алексею:

– Мне необходимо выяснить некоторые вопросы, касающиеся лично вас... После происшествия в госпитале господин обер-лейтенант доложил мне о своих подозрениях относительно вас, Шверинг.

Алексей удивленно посмотрел на генерала, потом – на Босса.

– Но... эти данные не подтвердились, – продолжал генерал. – Теперь господин Босс пытается провести взаимосвязь случая в госпитале со взрывом склада. Я решил выяснить, в чем дело.

Алексей презрительно взглянул на Босса.

– Ну, любезный, значит, вы все же не послушались моего совета. Теперь пеняйте на себя. Я больше не намерен вас выгораживать!

Генерал удовлетворенно улыбнулся:

– Я так и знал, что здесь личное.

Алексей вынул из планшета рапорт, написанный им совместно с Ганном, и подал генералу.

– Все перечисленные в рапорте факты прошу вас, господин генерал, проверить лично. Это убедит вас во всех проделках этого мерзавца. – Алексей кивнул на Босса, тот сидел бледный.

Китцингер взял рапорт и, встав из-за стола, подошел к Алексею.

– Успокойтесь, господин капитан, я приму все меры к расследованию, а пока можете быть свободны.

Когда офицеры вышли, Китцингер обратился к Штальбе:

– К 11 часам соберите офицеров в клубе. Я буду с ними беседовать.

В кабинет без стука вошел Гетц и протянул Китцингеру бумагу.

– Эту радиограмму перехватила и расшифровала наша центральная станция, – пояснил он.

Генерал быстро прочитал текст: *«Сообщаем, что в указанном вами районе базирования немецкого аэродрома нашего человека нет»*.

– Черт знает что! – выругался генерал. – Что же это получается? Никого у них здесь нет, а склад с боеприпасами взлетел на воздух! Выходит, это мы с вами взорвали склад? Не знаю, как вы, Гетц, а я уже начинаю подозревать самого себя.

15

Выйдя от полковника Штальбе, Босс поспешил к себе в отряд. Вебер и Алексей шли молча. Каждый думал о своем. Алексей о том, что у него в планшете лежит мина, которая через сорок минут должна взорваться, а Вебер все не мог решить, кто же из офицеров хитрит – Босс или Шверинг.

У самого входа в землянку офицеров догнал связной и передал Веберу пакет из штаба части.

Мюллер, Ганн, Курт и другие офицеры, уже оповещенные о предстоящем совещании у генерала Китцингера, шли в клуб. Они обступили Алексея, интересовались, что произошло в штабе. Мюллер больше всех возмущался поступком Босса.

– Вот подлая гиена! Вот омерзительный шакал! Ничего, генерал скрутит его в бараний рог.

Алексей шел молча, в руке у него был планшет. Он посмотрел на часы – без двадцати минут одиннадцать.

Мюллер улыбнулся.

– Да не бойся, Генрих, не опоздаем.

Внезапно Алексей передал Мюллеру планшет и шепнул ему на ухо:

– На, Эрих, пусть у тебя побудет... Идите, а я догоню вас.

Мюллер, поняв его по-своему, засмеялся. Фридрих Ганн тоже изъявил желание «проветриться».

Не успели они с Алексеем отойти к кустам, как их окликнул Вебер.

– Ганн, получено срочное задание, сейчас летим вместе.

Фридрих окинул Вебера презрительным взглядом.

– С тобой?..

– Что? – вскипел Вебер. – Что вы сказали? Немедленно в карцер, капитан! Я вас отстраняю от полетов на трое суток за грубость.

Ганн, козырнув, отправился в расположение части. Вебер постоял немного и, как-то иронически улыбнувшись, сказал Алексею:

– Мне доложили, что тренировочные полеты у вас прошли успешно... Летим вместе?

Алексей кивнул.

16

Вебер и Шверинг то снижались до бреющего полета, то набирали высоту. Погода была солнечной, видимость хорошая. Когда самолеты оставили взлетную полосу, Алексей неуверенно вел машину. Вебер это заметил. «Давно не летал, отвык». Но минут через двадцать Вебер вынужден был признать в Шверинге опытного летчика: на сложных виражах капитан шел за ним, словно привязанный.

Алексей вначале с большим напряжением отыскивал на пульте управления нужные переключатели и ручки. С каждой минутой машина становилась послушной. Вот когда Алексей благодарил свое командование за то, что их заставили в совершенстве изучить технику врага!

Капитан сличил карту с местностью и быстро сориентировался. Вот лесная дорога, над которой они сейчас летели. Вот перелесок, вот поле, заросшее бурьяном.

– Одер! – услышал Алексей в микрофоне голос Вебера. – Как слышите меня?

Он неохотно ответил. Как летчик Алексей наслаждался полетом. Он ощутил, как прибывает сила, точно тугим соком наливая все тело.

Впереди показался небольшой лесок, за ним поле, а дальше – сплошной лесной массив. По дороге, ведущей к лесу, мелкими облачками поднималась пыль.

– Одер, – опять раздалось в микрофоне, – следуй за мной!

Вебер, сбавляя скорость, снижал машину, направляя ее вдоль дороги. Алексей вгляделся напряженно и увидел на дороге длинный крестьянский обоз. Это были свои, советские люди. Они уходили от оккупантов в освобожденные партизанами районы. Алексей разглядел, как беженцы бросали телеги со скарбом и, подхватывая детей на руки, рассыпались по полю.

Снизившись над колонной, Вебер развернулся и пошел в атаку.

– Одер, держись на расстоянии! – послышалось в микрофоне.

«Изверг, – скрежетал зубами Алексей, – атакует беззащитных женщин и детей!» В висках его застучала кровь. А Вебер, уже сбросив мелкие подвесные бомбы, обстреливал обоз. Алексей, пролетая вслед за ним, видел, как разбросанные взрывом повозки нагромоздились одна на другую, как ползли раненые и неподвижно лежали убитые.

– Одер! – опять раздалось в микрофоне. – Иду на второй заход. Почему не атакуешь? Почему не атакуешь?

Алексей до боли закусил губы. Он отвернул машину правее дороги и сбросил бомбы в поле, а Вебер снова безжалостно расстреливал беззащитных людей со второго захода. Заметив, что Шверинг сбросил бомбы в стороне и не стреляет, Вебер, забыв отключить ларингофон, выругался:

– Ну, подожди же, вернемся, посчитаемся! – И пошел на третий заход.

Алексей прибавил скорость и, поймав машину Вебера в прицел, нажал на гашетки. Самолет Вебера врезался в придорожную канаву. Высоко взметнулся взрыв.

Пока Китцингер беседовал с офицерами, а Алексей находился в воздухе, Гетц проверял вещи Шверинга. Он тщательно осмотрел содержимое чемодана, но ничего подозрительного не нашел. Гетц не забыл сообщения Босса о том, что незадолго до взрыва Шверинг зашел в землянку с вымазанной кровью рукой. Гетц взял плащ капитана и, вывернув обшлага рукавов, стал рассматривать их через лупу. Самодовольная улыбка появилась на его лице. «Пятна крови! Теперь, господин капитан, не выпутаетесь».

Гетц снял телефонную трубку и приказал своему офицеру:

– Немедленно арестуйте капитана Шверинга из авиагруппы майора Вебера и вызовите ко мне обер-лейтенанта Босса.

Не прошло и пяти минут, как в дверь робко постучали. Явился Босс. Вид у него был жалкий и растерянный. Гетц любезно пригласил его сесть.

– Ну, господин обер-лейтенант, поздравляю вас с успехом, – и протянул изумленному Боссу руку. – Мною дана команда арестовать капитана Шверинга. Надеюсь, что на этот раз с ним будет покончено.

Босс растерянно ответил:

– Но ведь, господин гауптштурмфюрер, майор Вебер и капитан Шверинг вылетели на задание.

– Что? – заорал Гетц. – Немедленно вернуть!

Гетц, вбежав в оперативный отдел, схватил начальника отдела за плечо:

– Куда вылетели Вебер со Шверингом? Кто разрешил этот вылет?

Получив ответ, Гетц приказал Боссу взять в пару любого летчика и немедленно вернуть Шверинга. Так как большинство офицеров находилось в клубе, Боссу пришлось вылететь с Ганном.

Не успел Гетц оправиться от негодования, как где-то рядом раздался оглушительный взрыв, штукатурка комьями посыпалась с потолка. Стекла со звоном влетели в кабинет, рассыпаясь на мелкие куски...

Сегодня Гетцу не везло! Удивительно, как он выдержал этот адский день?! Едва только сообщили ему о взрыве в офицерском клубе и гибели генерала Китцингера и многих летчиков, как прибыл мотоциклист и доложил, что по дороге в Смоличи, где находилось гестапо, на эскорт, сопровождающий арестованных, напали партизаны. Одну из арестованных удалось пристрелить, другая ушла с партизанами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.